

Виктор Точинов, Сергей Баталов

Черная гвардия Эрида

**Виктор Павлович Точинов
Сергей Баталов
Черная гвардия Эридана**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281232*

Аннотация

Начало четвертого века Эры Переселения. Система Эридана, весьма богатая планетами земного типа. Планеты, подходящие для жизни, освоили потомки землян-колонистов (в большинстве своем – русских). Общественное устройство – православная империя, с маниакальной настойчивостью пытавшаяся копировать уклад империи Романовых, адаптированный к новым условиям.

Сорок лет назад здесь произошла революция – подспудная пропаганда завезенных с Земли коммунистических идей принесла свои плоды. После многолетней ожесточенной гражданской войны на большей части колонизированных планет образовался Эриданский Союз, пытающийся построить основанное на марксистских принципах общество.

Сторонники свергнутой империи не сложили оружие – и, обретя на просторах Галактики новых союзников, наносят ответный удар...

Содержание

Цикл «Галактические Войны». Введение	4
Маленькое предисловие	5
Книга первая	6
Пролог	6
Глава первая. Расколотое небо	12
1	12
2	14
3	16
Глава вторая. Адъютант его превосходительства	18
1	18
2	19
3	23
Глава третья. Работа в белых перчатках	26
1	26
2	29
3	30
Глава четвертая. Приватный разговор под тайным наблюдением	34
1	34
2	37
3	38
Глава пятая. Работа в белых перчатках (продолжение)	42
1	42
2	45
3	47
Глава шестая. Ходячие бомбы и плавучие рудники	53
1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

С. Баталов, В. Точинов «Галактические войны: Черная гвардия Эридана»

Цикл «Галактические Войны». Введение

В начале XXII века человечество Земли закончило осваивать Солнечную систему и устремилось за ее пределы: были разработаны подпространственные двигатели, первые межзвездные корабли отправились в экспедиции и вернулись с первыми положительными результатами... Программа путешествий на дальние расстояния получила государственную поддержку ведущих стран и обильное финансирование.

Однако после первых достигнутых успехов все более нарастали противоречия между участниками проекта: Россией, США, Европейским Союзом и Юго-Восточным Альянсом. Индия и исламские страны тоже не желали оставаться в проекте на вторых ролях, и требовали увеличения своей доли участия в заселении вновь открытых геоподобных миров и в разработке их природных богатств.

Остроту противоречий на время сгладила внешняя угроза. Человечество столкнулось в дальнем космосе с гуманоидной расой, внешне похожей на людей, но проповедующей мораль собственной исключительности. Людей чужаки не воспринимали как разумную расу и считали существами второго сорта...

Стычки между разведывательными кораблями быстро превратились в масштабную и затяжную войну. Опасаясь уничтожения Земли ударами из космоса, Совет Государств (преемник ООН) принял решение о реализации программы «Исход» – о разработке и приоритетном строительстве гигантских подпространственных кораблей и отбору экипажей колонистов. Задача программы ставилось создание колоний, которые можно будет использовать для отступления и возрождения человечества в случае проигрыша войны...

К перемещению готовился первый эвакуационный флот – двенадцать громадных кораблей-ковчегов, на каждом многотысячный экипаж, ядро будущей колонии. Экипажи формировались по национальному признаку странами, участвовавшими в проекте. Колонисты владели всей суммой земных промышленных и научных технологий, а также оборудованием, необходимым для создания технической базы цивилизации. Первичным сырьем должны были послужить выполнившие свою функцию корпуса кораблей-ковчегов – одноразовых, способных лишь к одному межзвездному прыжку. Для быстрого увеличения численности населения вновь основанных колоний корабли-ковчеги везли большие запасы генетического материала: законсервированные мужские и женские половые клетки, а также инкубаторы, позволяющие выращивать младенцев вне материнской утробы.

В момент запуска флот подвергся атаке пришельцев – в результате оказались сбиты координаты пункта назначения, и каждый корабль ушел непонятно куда.

Рассеявшиеся по отдаленным закоулкам Галактики, потерявшие связь с родной планетой и друг с другом, экипажи кораблей-ковчегов в одиночку вступили в борьбу за выживание.

Судьба переселенцев сложилась по-разному. Одни колонисты удачно попали к звездам, изобилующим планетами земного типа, лишенными, однако, разумных обитателей. Другим же пришлось вести борьбу за немногочисленные пригодные для обитания планеты с агрессивно настроенными инопланетянами...

Разгорелись ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ.

Маленькое предисловие

«Черную гвардию» никак нельзя назвать романом, написанным в соавторстве. Это роман-диалогия, каждая книга которого написана своим автором. Так уж оно получилось: в свое время я принял активное участие в разработке и реализации издательского проекта «Галактические войны» – а затем отошел от участия в проекте. Осталась первая книга задуманного романа (отдельные главы из нее опубликованы в виде повести «Мы никогда не сдадимся»). Вторую книгу по моей просьбе написал новосибирский писатель Сергей Баталов, и на его авторскую фантазию я никак не воздействовал, лишь задал стартовые условия: вот планета, за которую идет яростная борьба, вот противоборствующие стороны и действующие лица этой борьбы, вот стратегическая ситуация, сложившаяся к концу первой книги...

Вот так и родился на свет роман-диалогия – не совместное дитя двух отцов-писателей, а два сводных брата под одной обложкой. А насколько этот эксперимент удался – судить читателям.

*Виктор Точинов,
Январь 2010*

Книга первая

Виктор Точинов. Стальные Псы

Пролог

Орбитальный ДОТ «Заря свободы», 42 год э.п.к

Экраны внешнего обзора гаснут – разом, все одновременно – и несколько томительных секунд неясно: прекратил ли существование третий уровень защиты, или же всё значительно хуже.

«Один... два... три...» – мысленно произносит Леонед,¹ подсознательно растягивая отсчет, удлиняя паузы между звучащими в голове цифрами.

Незамысловатый прием не помогает: «ше-е-е-есть, се-е-е-е-емь...» – всё, дальше считать смысла нет. Только что пирозаряды отшвырнули в космос обломки: искореженные орудийные, ракетные и излучающие установки, и немногие уцелевшие системы внешнего наблюдения и управления огнем, и разбитые прямыми попаданиями эмиттеры защитных полей, и устройства, обеспечивавшие энергией и боеприпасами оборонительные узлы уничтоженного третьего уровня.

Потому что орбитальный ДОТ «Заря свободы» отдаленно напоминает плод эрладийской песчаной пальмы: ядро – небольшой астероид, выведенный на планетарную орбиту, над ним – точь-в-точь как оболочки упомянутого плода – надстроены шесть искусственных оболочек, шесть защитных уровней.

Сейчас, вместо сокрушенного третьего, в бой должен был вступить четвертый. Но почему-то не вступает...

Экраны остаются темными, динамики молчат. Либо датчики четвертого уровня, сканирующие окружающее пространство во всех диапазонах, мгновенно вышли из строя, либо их сигналы не доходят до сердца ДОТа, до командного пункта.

Все системы, управляющие оборонительным и наступательным оружием, рапортуют: то, чем им надлежит управлять, отсутствует. Вообще. Напрочь. На всех четырех оставшихся уровнях отсутствует. Словно прилетела четырехкрылая птица батхан, известная любительница пальмовых плодов, – огромная такая птица, разросшаяся до гигантских размеров и как-то научившаяся порхать в космосе. Прилетела, щелкнула клювом, – и разом раскусила все оболочки, небрежно отбросила в сторону, и вот-вот полакомится нежным сочным ядром...

Командный пункт ДОТа. Небольшой оперативный зал, укрытый в самой сердцевине астероида. Стена, идущая полукругом – один огромный сплошной экран, состоящий из массы экранов поменьше. Вдоль нее – тоже полукругом, снизу, – столы, дисплеи, напряженные спины людей. Вернее, четырех людей и одного трезианина. Эти пятеро – весь гарнизон, остальное делает автоматика. Стук клавиш. Негромкие разговоры.

- Энергетический – норма.
- Жилой блок – норма.
- Шлюз-три – связи нет.
- Проклятье!

¹ Леонед – Ленина обидить не дадим! Бозадр – Борец за дело революции. Энгвар – Эриданский народ – гвардия революции. Олег – имя, означающее: Октябрь, Ленин, Галактика. Марэлен – город на одноименной планете, столица КР Гаммы Эридана. Назван в честь Маркса, Энгельса, Ленина. Умзала – Умрем за Ленина! Реона – Революция освободит нас! Юлена – юная ленинка. Донара – дочь народа. Умзар – Умрем за революцию. Позар —

– Шлюз-два – связи нет.

– Проклятье!

– УЭСы – норма.

– Шлю-ю-юс-с оди-и-ин – с-с-свяс-си нет, – трезианин шипит, растягивая гласные и оглушая звонкие согласные.

– Р-р-р-р-р... – Это уже человек, не нашедший слов для эмоций.

– АРБ – готовность минус десять.

– Зет-туннель – связи нет.

Глухой удар – кулак с размаху опускается на мягкий пластик стола.

Киберы из аварийно-ремонтной бригады через считанные секунды будут готовы ринуться устранять неисправности. Но что ждет их там, за шлюзами, ведущими на внешние оборонительные уровни?

«Устрица...» – Леонеду вновь приходит в голову биологическая аналогия. ДОТ «Заря свободы» похож сейчас на устрицу, не имеющую ни глаз, ни ушей. Моллюск ощущает – что-то не так, что-то изменилось в окружающем мире. Но что? Лежит ли он на прибрежном песке, на линии прибоя – и следующая же волна вернет в родную стихию? Или – банкетный стол и фарфоровая тарелка? Надо приоткрыть створки, но... Но это может очень плохо закончиться: может быть, уже приготовлен острый крючок, – зацепить, выдрать из раковины нежное тело моллюска...

Леонед не только не пробовал – никогда не видел устриц, лишь читал о них в старых книгах. И у него мелькает абсолютно несвоевременная мысль: «Или крючками извлекали мясо омаров? (Их Леонед тоже никогда не видел.) А скорлупу устриц раздавливали специальными...»

Мысль остается незаконченной. Оглушительный вопль перекрывает тихое гудение аппаратуры и негромкие фразы.

– ЭКРАНЫ!!! – истошно кричит человек.

Леонед рывком распахивает глаза – и перестает видеть мелькание цифр на видеоматрицах, имплантированных на внутреннюю сторону век.

Экраны включились – все до единого. И на каждом одно и то же изображение: лицо человека крупным планом. Холеное породистое лицо. Немолодой – на лбу залегли три горизонтальные морщинки, виски густо серебрят седина, остальная шевелюра серо-стального оттенка.

Леонед пытается понять: как, каким образом сделано это подключение? – и не понимает.

Молчание. Нехорошее, неприятное.

Дрожащий голос:

– ЦПК – не отвечает...

Всё. Конец. Устрица, чуя неладное, плотно сжимала створки – не помогло, их раскрыли острым лезвием ножа... «Вирус...» – понимает Леонед. Он слышал о такой возможности, слышал на уровне слухов, легенды. Враждебная программа существует в виде пакета информации, передаваемой нетрадиционными способами, – колебаниями температуры или гравитационного поля, например. Датчик атакуемого объекта, собирающий внешнюю информацию, сам преобразует вирус в цифровой вид, сам отправляет в обрабатывающий компьютер.

– Ну что, вояки? – спрашивает человек, заполонивший экраны; голос его звучит из динамиков громкой связи. – Пришли в себя? Способны выслушать мои предложения?

Бозадр, командир ДОТа, громко выкрикивает, что он способен сделать с человеком, едва лишь до него доберется. Умирать типу с седыми висками придется долго и мучительно, к тому же весьма постыдным для мужчины образом, но он ничуть не смущается, – похоже, просто не слышит, связь установлена в одностороннем режиме.

– Флаг-капитан князь Игнатъев-Центаврийский, командир крейсера второго ранга «Святой великомученик Сысой».

Голова на экранах изображает легкий, едва заметный поклон.

– Из бывших, сука... – говорит Бозадр, весьма понизив голос, словно князь способен их услышать. – Здоровенные здесь поместья у Игнатъевых были, и рудники...

– С-сдес-с-с-сь – на ас-с-с-стерои-и-ите? – шипит трезианин, как всегда понимающий все буквально. В интонации вопроса должно бы звучать удивление, но изображать эмоции звуками эта раса не умеет – и на голове трезианина встают торчком короткие мясистые отростки, в обычных обстоятельствах плотно прижатые к черепу.

– На планете! – командир машет рукой куда-то вниз.

Флаг-капитан вновь начинает говорить – официальным тоном, словно зачитывая заранее подготовленный текст:

– Во избежание ненужных жертв и бессмысленного кровопролития предлагаю капитулировать. Время на размышление – тридцать три с половиной земных минуты, затем начнется штурм. Каждому, кто поднимется за названное время по зет-туннелю и выйдет наружу невооруженным, гарантируется жизнь. Остальные выходы заблокированы. Время пошло.

Князь делает паузу и добавляет с другой интонацией:

– Хотя я предпочел бы вас раздавить, как загнанных в угол крыс.

И становится видно, что вся холодная корректность «бывшего» – всего лишь маска, скрывающая самую лютую, животную ненависть.

«Что за странный срок – тридцать три с половиной минуты?» – недоумевает Леонед. Потом соображает: флаг-капитан, как и прочие императорские прихвостни, живет по имперскому времени, у них минута метрическая, чуть длиннее, из ста секунд... Если перевести, то наверняка получится нормальная круглая цифра...

Взгляды всех пятерых поневоле тянутся к таймеру. Секунды мельтешат, затем цифра в третьем справа окошечке меняется на другую.

Тридцать две минуты... Тридцать две минуты между жизнью и смертью...

* * *

Пятеро по-прежнему сидят полукругом. Но теперь, развернув вращающиеся кресла, – не спиной, а лицом друг к другу.

Экраны вновь темны, динамики безгласны. Отключили их сами, обесточив, – когда изображение князя Игнатъева-Центаврийского сменилось пропагандистским фильмом. Торжествующий диктор вещал о победоносном наступлении имперских войск, и его слова сопровождалась видеорядом: разбитые корабли и станции орбитальной обороны (все, конечно же, с эмблемами Эриданского Союза), и десантные боты, волна за волной опускающиеся на Марэлен (уже на девятый день войны! разве этого ждали? разве к этому готовились?), и бесконечные колонны пленных, уныло бредущие к имперским транспортникам – истощенные, форма грязная, рваная, в глазах – бесконечная тоска, непонимание: как, как, как такое могло произойти?

Задумываться, где в пропагандистской поделке правда, а где хвастливая ложь и компьютерная графика, не хотелось. Потому что, задумавшись, можно понять: правды много. Иначе не оказался бы ДОТ «Заря свободы» в такой ситуации – здесь отнюдь не граница, не передовая линия обороны. Бета Эридана – глубокий тыл... был совсем недавно.

Леонед и не задумывался, а вскоре исчез объект для раздумий: Бозадр вырубил экраны и динамики.

Молчание. Тяжелое, мрачное.

Все пятеро знают: настоящей драки здесь, внутри каменного ядра астероида, не будет. Да и возможностей для нее нет, все серьезное оборонительное вооружение – наверху, и уже под чужим контролем... Партизанить с личным стрелковым оружием? Так ведь выследят в лабиринте технических туннелей, причем используют их собственную аппаратуру слежения... И прикончат. Раздавят, как загнанных в угол крыс.

Можно, конечно, забиться подальше, сжигая на пути камеры наблюдения и датчики. Можно провести несколько вылазок, уничтожить десяток-другой боевых киберов, при большой удаче – даже пару людей... Но финал схватки предрешен однозначно.

«Почему же они молчат? – не понимает Леонед. – Почему никто не наберется смелости, не скажет первым: сопротивление бессмысленно, сдаться при таких условиях не позорно?»

Озвучить свои мысли он не решается. словно бы вернулось детство, собрание ячейки в школе: надо принять решение – добровольное решение, никакое иное – провести лето в трудовом лагере, пропалывая грядки с осточертевшим релакусом... Никто не хочет на постылую каторгу, всем милее податься в деревню, к бабушке-дедушке, или на курорт с родителями, или без затей остаться в городе, но хотя бы самому решать, куда пойти и чем заняться... Никто не хочет, но все молчат – как такое скажешь вслух первым? – а вожатая уже звонким голосом зачитывает решение собрания, и лес рук тянется вверх...

Но сейчас речь идет не о прополке грядок. Об их жизни. И о смерти.

И смельчак находится.

– Что молчите?! – вскидывается Энгвар. – Что тут думать?! Прогадили войну, всё прогадили... Какие песни пели! Малой кровью, да под чужим небом... Ага... Что сидите? Время же идет...

– Иди, – глухо говорит Бозадр. – ДОТа нет, осталась каменная глыба. Командовать мне нечем. Каждый решает сам.

– А вы... – неуверенно начинает Энгвар.

– Иди! – рывкает Бозадр. Командовать нечем, но тон вполне командирский.

Энгвар направляется к выходу. Магнитные подошвы лязгают всё медленнее, всё неувереннее. Возле самого люка оборачивается.

– Кто-нибудь еще? – сухо спрашивает Бозадр. Энгвар смотрит с надеждой.

Леонед очень хочет встать, и тоже шагнуть к люку, – но не может. Ноги словно парализованы... Взгляды оставшихся сидеть как будто гипнотизируют, выпивают волю, силы... «Они психи... Они спятили и не понимают, что смерть – навсегда!» Леонед сидит. И молчит.

Энгвар, безнадежно махнув рукой, отворачивается, возится с кодовым замком.

Отпереть не успевает. Извилистая синяя молния соединяет его затылок с небольшим цилиндрическим предметом, сжатым в руке командира. Негромкий треск, резкий запах озона. Тело Энгвара изгибается, изгибается назад – словно он в этот неподходящий момент решил заняться гимнастикой и изобразить для начала «мостик».

Теперь видно его лицо – искаженное, изломанное. Наэлектризованные волосы торчат во все стороны. Появляется кровь – из носа, изо рта, из ушей – сначала капли, затем струи.

Ни крика, ни стопа, остальные тоже безмолвны – и сквозь треск разряда отлично слышен сырой чмокающий звук, с которым глазные яблоки выскакивают из глазниц.

Леонед торопливо отворачивается, содержимое его желудка отчаянно рвется наружу. Треск смолкает. Обмякшее тело рушится и буквально расплзается по металлическому полу, лишь ноги согнуты в коленях – магнитные подошвы продолжают работать.

– Ну вот... – буднично говорит Бозадр. – А мы будем драться.

* * *

Выстрелы – отдаленные, еле слышные – смолкают, и Леонед решает: все кончено.

Ошибается – после паузы вновь стрельба, гораздо ближе. Он облизывает пересохшие губы. Еще одна отсрочка... Кто сейчас умирает, чтобы Леонед мог пожить несколько лишних минут? Какая разница... Потому что смерть дышит в затылок, и никуда от нее не уйти... Вот она, рядом, – не архаичная старуха с косой, но огромный цилиндр главного энергоблока. Внешний защитный кожух поднят, словно для профилактических работ, и работа предстоит несложная, – одно движение пальца, лежащего на пусковой кнопке бластера, испарит стержни-замедлители, начнется цепная реакция, и...

И всё.

В бездонной черноте космоса вспыхнет и вскоре погаснет маленькая яркая звездочка... Вселенная и не заметит: планеты так же тупо будут вращаться вокруг светил по своим орбитам, и будут копошиться на них миллиарды живых существ...

Лишь его, Леонеда, не станет. Разве только не врут чернорясные мракобесы в своих байках о загробной жизни... Так ведь врут, наверняка врут.

Но почему, почему, почему?!

Лучше бы он дрался сейчас там, в каменном лабиринте. Когда стреляешь, и стреляют в тебя, задумываться некогда. А когда прилетит *твой* разряд – уже и нечем...

Но он – здесь. Судьба. Жребий.

...Бозадру полагалось личное холодное оружие – комкофлот второй статьи, как-никак, что соответствует званию комбата в армии. Архаизм, конечно, для парадов и прочих торжественных церемоний, – но когда командир рванул из ножен клинок, отточенная сталь блеснула неприятно – тусклым таким холодным отблеском, и казалось отчего-то, что оружию хочется, давно хочется попробовать горячей человеческой крови.

И оно попробовало.

У Леонеда что-то дернулось внутри: неужели Бозадр сумел прочесть, уловить его панические мысли, и сейчас... Но нет, командир встал, широко расставив ноги, над трупом Энгвара, вертикально поднял кортик. Другой рукой обхватил клинок у самой гарды – плотно, сильно, кровь тотчас же засочилась из разрезанной ладони, закапала на мертвое лицо с пустыми глазами.

Бозадр кивнул остальным: давайте, мол. И произнес:

– Кто-то должен взорвать энергоблок.

Леонед схватился за лезвие вторым, и показалось, что ему жребий никак не выпадет, не такое уж длинное оружие... Но ухватиться второй ладонью за кончик клинка выпало именно ему, узенькая, покрытая шевелящимися ворсинками лапа трезианина заняла совсем немного места...

Их кровь смешивалась, и капала на труп изменника, и командир сказал спокойно и деловито:

– Пошли за оружием.

– Подер-е-е-е-м-с-с-с-ся... – прошипел трезианин. А больше никто не сказал ничего.

«Неужели они не понимают... Неужели не понимают...» – билось в голове у Леонеда, но и он промолчал.

* * *

Тишина. Выстрелы смолкли достаточно давно, и обманывать себя нет смысла: теперь то уж точно всё закончено, наступает его черед.

Выбора нет – тридцать три с половиной минуты давно истекли... Флаг-капитан хотел раздавить загнанных в угол крыс? Крыса осталась одна, и ее очень скоро раздавят... Программа боевых киберов не реагирует на поднятые вверх руки, и на белую тряпку не реагирует...

Появляются звуки. Леонед напряженно вслушивается – ну точно, доносятся они из аварийного туннеля, ведущего в энергоотсек. Лифт заблокирован, но кто-то очень хочет добраться сюда...

Во рту сухо-сухо, рашпиль языка трется о шершавое небо... Гудение, запах нагретого металла, – выжигают люк.

Пора... Самое время нажать на пусковую кнопку, но Леонед медлит. Как же они прекрасны, последние секунды... И как быстротечны... Кажется, в такие моменты перед внутренним взором должна промелькнуть вся прожитая жизнь? Не мелькает... В голове крутится лишь одно навязчивое воспоминание: бесконечная, к горизонту тянущаяся грядка релакуса, и обжигающее полуденное солнце, и горячий соленый пот, заливающий глаза... Казалось – каторга, и ничего не может быть хуже... Идиот... Все бы отдал, чтобы вернуться в тот знойный летний полдень...

Вырезанный люк с грохотом рушится. Громкие шаги – совсем рядом, в соседнем отсеке.

Леонед закрывает глаза и жмет на пусковую кнопку...

Потом медленно, удивленно поднимает веки. В ушах стоит эхо дикого крика. Это он кричал? Или померещилось?

Бластер стоит на предохранителе. Леонед не понимает ничего... Вроде ведь снимал...

Мокрый от пота палец скользит по рубчатой кнопке и никак не может перевести ее в другое положение.

Створки двери – последней преграды между жизнью и смертью – медленно расплываются. Леонед не раздумывая, повинаясь внезапному импульсу, швыряет бластер в приоткрывшуюся щель. Кричит:

– Не стреляйте! Я сдаюсь!

Ему кажется, что кричит – голос тихий и сиплый. Разницы, впрочем, никакой – боевые киберы на такие крики не обращают внимания.

Огромная фигура надвигается из темного провала двери. Не кибер, человек в громозком защитном костюме. Правая рука не видна – от локтевого сгиба начинается УОК – универсальный огневой комплекс. И этот УОК неторопливо поднимается, целится в Леонеда. Спаренный бластер, гаус-эмиттер, скорострельная ЭМ-пушка – смотрят в лицо, готовые плюнуть огнем и смертью.

Холодный пот заливает глаза. Леонед пытается крикнуть что-то еще, ничего не получается, тогда он падает на колени.

УОК медленно опускается.

Глава первая. Расколотое небо

1

Дороги здесь были прямые, как натянутая нить, – Гальская степь ровная, гладкая, нет топких низин и прочих буераков, которые приходилось бы огибать строителям. Лишь кое-где тянулись по бесконечной равнине поросшие лесом долины рек, медленно текущих и обладавших удивительно прозрачной водой. Алое небо – такая уж атмосфера над Умзалою – отражалось в потоках, и казалось, что вода тоже подкрашена розовым, словно пролилась в нее чья-то кровь...

Серая пыльная лента шоссе пересекала степь, уходя к горизонту.

И, тоже до самого горизонта, двигалась по ней нескончаемая колонна боевой техники. Грохотали гусеницы танков, сберегавших для боя ресурс своих антигравов; вздымали пыль струи воздуха, вырывавшиеся из-под юбок транспортеров на воздушной подушке; боевые киберы шустро переставляли свои суставчатые конечности.

Источник, питавший реку грозного боевого металла, виднелся за много километров – сооружение, напоминавшее огромную букву «А», словно бы поставленную и позабытую в умзальской степи каким-то малограмотным, азбуку изучающим великаном. Официально сооружение именовалось ТГПП «Центральный», но местные жители именовали его попросту: Портал.

Портал... Главные ворота, связывающие Умзалу, четвертую планету Беты Эридана, с остальными мирами Эриданского Союза. Главные, а с недавних пор – фактически единственные. Враг совсем рядом, враг на орбите, – и со стартовых площадок обоих космопортов взлетают лишь боевые корабли, и многие из них не возвращаются обратно...

Не так давно к Порталу бесконечные колонны нагруженных рудовозов, и лишь изредка мелькали среди них пассажирские глайдеры, – малонаселенная планета поставляла руды редких металлов для всего Эриданского Союза.

Но теперь к Порталу стремились не рудовозы – люди. Беженцы. Женщины, дети, старики – ни одного взрослого мужчины. Шли двумя потоками, вдоль обочин, чтобы не мешать движущейся навстречу боевой технике. Шли пешком – весь транспорт, в том числе пассажирский, мобилизован для военных нужд. Везли на тележках то немного, что успели и смогли взять.

Разговаривали между собой негромко, словно бы с опаской, как будто смерть, притаившаяся где-то наверху, в алом небе, – могла услышать и обрушиться вниз.

– ...В сводке вчерашней: Реону, после тяжелых и кровопролитных. А у меня же там...

– ...На четыре часа отпустили, а утром в космопорт, да и в бой, совсем ведь мальчишки...

– ...Остановлен на орбите, ну-ну... А танков тогда столько зачем? Танки в космос не летают...

– ...С рудника пришел, аж сам почерневший весь: своими руками, говорит, строил, а теперь вот взрывать придется...

– ...На столбе, распухший, язык чуть не до пупа, и табличка: паникер...

– ...Свинорух второй день не кормлен, сохнет ведь...

– Стыдно, товарищ! Враг на пороге, а вы только о своей животине печалитесь!

Пожалевший животину товарищ – лысый, сгорбленный старичок – с неприязнью посмотрел на попрекнутую его девушку. Высокая, статная, темноволосая, она шагала рядом с двумя подругами – быстро, обгоняя других беженцев. Шла их троица налегке, без

набитых рюкзаков, без нагруженных тележек, лишь легкие сумки были перекинута на ремнях через плечо.

– Так я ж и говорю, забить надо было свинорука, чтобы, значит, врагам задарма не достался... – пробурчал старичок и отвернулся, демонстрируя, что к дальнейшей беседе не расположен.

Девушки, обогнав его, пошагали дальше.

– Скажи, Юленька, а ты куда после Портала? – спросила подруга у темноволосой. – Что-то мне так тревожно... В школе мечтала о других планетах, но чтобы вот так... Чтобы бежать... Я понимаю, что так надо, но...

– Это не бегство, Донара! – убежденно ответила Юлена. – Эвакуация! Бегут, когда боятся. А я не боюсь этих убийц! Не боюсь, слышите? Нашим будет проще сражаться, если внизу останутся города и поселки без людей. Уходя, мы им помогаем. А после Портала... В военкомат пойду. Нужны же ведь девушки на войне, мне все равно, хоть радисткой, хоть санитаркой...

– Санитаркой можно и здесь... – сказала Донара без особой уверенности.

Третья подруга, Хая, молчала, напряженно к чему-то прислушиваясь, – она, как и все эрладийцы, обладала очень изощренным слухом.

– Слышите, девчонки? – спросила Хая несколько секунд спустя.

– Нет, а что... – начала было Донара и не закончила.

Потому что сейчас услышали все – не только девушки, но вся масса шагавших вдоль обочин беженцев – далекий не то гул, не то рев, с каждой секундой усиливающийся, приближающийся.

Разговоры смолкли мгновенно, и столь же мгновенно люди остановились, замерли в тревожном ожидании. Замерла и катившаяся им встречу боевая техника.

– Летят... – сказал кто-то негромко, но его услышали все, кто находился неподалеку.

– Товарищи, без паники! Продолжаем движение! – прозвучал другой, начальственный голос. – Это наши возвращаются после...

Что дальше говорил человек с уверенным голосом, не расслышал уже никто, – доносившийся с небес звук заглушил слова.

Но истошный, дикий вопль прорвался сквозь рев и грохот:

– Бежи-и-и-им!!!

Многие побежали – во все стороны, не понимая куда, не понимая, зачем. Юлена осталась было на месте, но тут же увидела надвигающуюся на нее громаду танка и высунувшегося из люка танкиста. Он отчаянно махал рукой: с дороги, прочь с дороги!

Техника сползала с шоссе, рассредоточивалась. Ее вновь заработавшие двигатели и загрохотавшие гусеницы никто теперь не слышал, не говоря уж про крики испуганных, бегущих людей.

Юлена тоже бежала куда-то – одна, потеряв в кутерьме обоих подруг. Едва увернулась, едва выскочила из-под колес самоходной зенитной установки – боевая башня ее вращалась, и стволы лазеров были задраны к небу...

А потом Юлене показалось, что кто-то из мечущихся в панике людей толкнул ее в спину, толкнул невероятно сильно, так что земля ушла из-под ног, и девушка почувствовала миг невесомого полета, увидела быстро приближающуюся пыльную обочину... И не стало ничего.

...Сколько времени она провела без сознания, Юлена не поняла. Очевидно, недолго. Бой вокруг продолжался. Точнее, не бой, а жестокое избиение с воздуха. Появились вокруг воронки, чернея выброшенной наружу землей. Зенитная установка – та самая, а может и другая, – горела чадным дымным пламенем. Горели другие машины, но некоторые продолжали вести огонь. Земля содрогалась, и содрогались лежавшие на ней люди. Мертвые

люди... Казалось, что мертвецы всё еще стараются спастись, убежать от обрушившейся с неба смерти.

Одна женщина – пожилая, очень грузная, в разорванном и испачканном землей платье – и в самом деле старалась отползти, спрятаться, но лишь бессильно шевелилась в расползающейся кровавой луже...

Юлена попыталась встать, не уверенная, что получится. Оперлась руками о землю, под левую ладонь подвернулось что-то непонятное, она опустила взгляд – детская кукла. Кто-то в кутерьме наступил на нее, расплющив нижнюю часть и повредив электронную начинку – кукла быстро-быстро моргала, губы ее шевелились, а на сиреневых волосах виднелись следы свежей крови.

Отчего-то именно вид изувеченной игрушки показался Юлене самым страшным из всего, что происходило вокруг.

Потом она поднялась и побежала – по содрогавшейся земле, среди огня и дыма, побежала медленно, пошатываясь, но все быстрее и быстрее...

Потом в событиях случился непонятный провал, Юлена совсем не помнила, как она очутилась поодаль от дороги, среди зарослей невысокого степного остролиста... Но как-то очутилась и неожиданно увидела Донару, хотела сказать ей: «Как хорошо, что ты нашлась! А где Хая?» – но не услышала даже сама себя. Донара тянула ее за рукав, и показывала рукой куда-то, и что-то кричала, – но совершенно беззвучно.

Юлена обернулась и увидела, как медленно, невероятно медленно рушится громада Портала. Это казалось невозможным, Портал был всегда, сколько себя помнила Юлена, и должен был стоять вечно, сработанный на века, на тысячелетия – символ эпохи, символ победы человеческого разума над бескрайностью Космоса.

По лицу Донары катились слезы, прокладывая дорожки по запачканным щекам, и Юлена поняла, что подруга ощущает нечто схожее...

Эпоха закончилась.

Начинается другая – страшная и жестокая.

2

– Красота какая, Юлечка... – сказала Донара. – Словно и нет никакой войны проклятой...

Место и в самом деле было удивительно красивым, и ничто не напоминало здесь о пекле, из которого вырвались девушки, отшагав степью чуть ли не десяток километров.

Неторопливо катила прозрачные воды река, и рос на ее берегах лес – настоящий, не те заросли низкорослого кустарника, что попадаются порой в степи. Вековые эвелеи с толстыми, узловатыми стволами клонили к воде свои багровые кроны, и нижние ветви полоскались в воде.

Ветер к вечеру стих, тишина стояла полная, нарушаемая лишь стрекотом насекомых и редкими всплесками рыбы.

Война осталась где-то далеко позади...

Юлена, девушка весьма практичного склада, любоваться природными красотами не стала. Сказала деловито:

– Помоемся, да и одежду постираем. А то смотреть на нас страшно, грязней шахтеров из забоя...

Она решительно стянула платье через голову. Донара медлила, любуясь юным гибким телом подруги.

– Ну что же ты, Донька? Вечереет, просушить же не успеем...

Донара медленно расстегнула одну пуговку, другую... Ей было немного стыдно, казалось, что ее бедра покажутся на фоне стойной Юлены слишком полными, грудь слишком большой, тяжелой, а пухлый животик... В общем, не стоит о грустном...

Но Юля не разглядывала наготу подруги, бросилась в воду, подняв фонтан брызг. Донара последовала за ней...

Потом они сидели у небольшого костерка, сложенного из сухих стеблей карагульника, одежда сохла рядом, на плоских прибрежных камнях, сильно нагретых солнцем.

– Как там наша Хая, выбралась ли... – задумчиво сказала Донара, помешивая угли костра веткой с обгорелым концом. – Да и мы все теперь – как?

– Что – как? – вскинулась Юлена. – Думаешь, Портал разрушили – и всё закончено? Нет, подруга... Мы никогда не сдадимся! Мы им не позволим высадиться!

– А если они уже? Помнишь, в конце, когда мы далеко ушли, – большие такие пузатые штуки спускались? Я точно не знаю, но, по-моему, это десант-боты были... У меня двоюродный брат, Велиор, на таком служит. Вернее, служил...

– Высадились – мы в леса уйдем, в горы! – отрезала Юля. – Партизанить будем, как в гражданскую!

– Разве в таком лесу партизанить можно? – повела рукой вокруг Донара. – На второй день поймают... Да и гор-то у нас нету... Это сколько ж на юг топать, пока до джунглей доберешься, где спрятаться можно...

– Значит, в штольни уйдем, под землю! Мы не прятаться будем, а воевать!

– А кушать что под землей? – вздохнула Донара. – Ой, Юльчик, а как есть-то хочется... Сказала – и только сейчас поняла: с утра ведь ни крошки во рту не было... А до дома завтра целый день идти. Не дошагаем...

– Надо подкрепиться... Ты рыбу ловить умеешь?

– Не пробовала... Да и чем?

– Булавку согнем, к нитке привяжем, и... Нет, я еще лучше придумала! Ракатиц наловим, здесь должны водиться! Знаешь, какие вкусные?

– А варить как? Ни котелка, ни кастрюли...

– Запечем в золе! За дело, подруга!

Но ловлей пришлось заняться одной лишь Юлене. Подружка ее плавала не очень хорошо, а нырять с открытыми глазами вообще не умела, – и, натянув просохшее платье, сидела на берегу, следила, чтобы не расползлись наловленные ракатицы. Моллюски забились в свои раковины, лишь изредка высовывали щупальца и осторожно исследовали ими берег, – явно не понимали, что же такое с ними произошло. И не подозревали, что скоро состоится последний в их жизни ужин...

Юлена, устав нырять, вышла на берег, передохнуть и погреться. Критически осмотрела кучку ракатиц, решила:

– Еще штук пять, да и хватит. Тогда и позавтракать можно будет, а то вода с утра холоднющая...

– А я вот один рассказ фантастический читала... – начала Донара.

– Ты? Фантастику?! – изумилась Юля.

– Ну... я знаю, что классово чуждая... Но... пачка у нас на чердаке лежала, журналы старые, с тех времен еще... Ну и посмотрела одним глазком. Я все потом в печку, ты не думай!

– Это правильно. Но и смотреть не стоило, по-моему.

– Так вот, там рассказ был... Будто бы ракатицы – они, значит, разумные. Щупальца-то у них вон какие ловкие, не хуже пальцев... А норы их – не просто норы, а будто бы входы в города такие подземные. Вернее, в подводные... ну... ты понимаешь. И вот жили они, жили,

города свои строили... А потом люди прилетели. И начали их есть. И никак им не объяснить нам, что они почти как мы, только другие...

– Бред какой... Вражьи выдумки. Чтобы люди не за новую жизнь боролись, а над ракетами съеденными слезы лили. Тьфу...

– Да мне просто так вспомнилось... Ерунда, конечно.

Донара замолчала, искоса поглядывала на подругу. Капли воды стекали по обнаженному телу Юли, поблескивая в лучах заходящего солнца, словно самоцветные камни. И Донара подумала... ерунда какая в голову полезла... в общем, она вдруг поняла, что страстно хочет попробовать на вкус вот эту сверкающую капельку, маленьким бриллиантом повисшую на соске подруги... Она даже помотала головой, отгоняя наваждение.

Решила спросить Юлену о ближайших планах, о том, смогут ли они отыскать путь домой через лишенную ориентиров степь, или же рискнут вернуться к дороге... Но вместо этого неожиданно для себя спросила совсем другое:

– Скажи, Юлечка, а у тебя... ну... с парнями... уже *было*?

Юлена повернулась резко, взметнув волну темных волос. Капелька-бриллиант сорвалась с груди и полетела к траве.

– Да ты что, подруга?! Как можно, когда... Тихо!

Донара почти не понимала ее слов, залюбовавшись на красоту подруги... И не сразу отреагировала на ее изменившийся тон и встревоженное лицо. Затем и она услышала: с запада, оттуда, где заходящее солнце окрасило небо уже не в алый – в темно-багровый цвет, доносилось негромкое ровное гудение, все более усиливающееся.

Что-то приближалось к девушкам, пока не видимое за кронами деревьев...

Но наверняка опасное.

3

Бронеглайдеры плыли над степью, развернувшись широким веером, и каждый двигался не прямо, зигзагообразно, в первый момент их движение казалось хаотичным, но подчинялось строго заданному ритму.

Боковые башенки вращались, стволы лазерных установок словно бы приглядывались ко всем укромным уголкам, словно бы присматривались-принюхивались, готовые в любой момент ударить беспощадным лучом...

– Наши? Высадившихся ищут? Диверсантов? – тихонько спросила Донара со слабой-слабой надеждой.

– Не наши... Те... – сказала Юля столь же тихо. – Видишь, эмблема белая? Голова пса? У наших нет таких.

– Ой... Неужели все – за нами?!

– Ну уж... Много ведь товарищей на дороге уцелело, во все стороны разбежались.

Прочесывают... Ищут...

– Не заметят, может?

– К чему им замечать... У них же детекторы всякие, датчики. Не спрячешься.

– И что... И как же мы...

– Рекой уходить надо. Под водой, изредка выныривая.

– Юльчик, я не сумею...

– Сумеешь! Я помогу... Раздевайся, в одежде плыть тяжело, в сумки ее запишем...

Испуганная Донара хотела возразить, но не успела. Ближайший бронеглайдер круто повернул и, ускоряясь, понесся прямо к девушкам. Детекторы засекли беглянок...

– К реке, Донька! – крикнула Юлена, вскочила и бросилась к берегу. Ее одежда и сумка так и остались у костра.

Прежде чем прыгнуть в воду, обернулась: Донара сзади не бежала, ее платье мелькнуло совсем с другой стороны, среди густых прибрежных кустов.

Юля помедлила недолго, мгновение-другое. Кусты спрятаться не помогут, единственное спасение – река, и выбор прост: или очень скоро схватят одну лишь Донару, или их обеих...

Она бросилась в воду, сразу нырнула, как можно глубже, к усеянному корягами дну. Ленты багровых водорослей лениво шевелились, извивались под напором неторопливого течения, и напуганные ракатицы спешили к своим не то норкам, не то к входам в таинственные города, Юлена не обращала на них внимания, энергично работала руками и ногами, старалась уплыть как можно дальше, не выныривая, от опасного места... Воздуха не хватало, легкие горели, как в огне, перед глазами поплыли огненные круги, однако она продолжала упрямо держаться у дна... Наконец поняла: всё, больше не выдержать, но не рванула к поверхности стремглав, как того требовало измученное недостатком кислорода тело, – вынырнула осторожно, аккуратно, без всплеска... Глубоко вдохнула один раз, другой, и...

И услышала истошный девичий крик.

Крик Донары...

Глава вторая. Адъютант его превосходительства

1

Вахтенный офицер и швартовый расчет хорошо знали свое дело: космобот коснулся шлюза джамп-базы «Святая равноапостольная княгиня Ольга» мягко, плавно, без нередкого в подобных случаях резкого толчка последней коррекции.

«Ну что же, – подумал Несвицкий, – все-таки флагман флота, и отбирают сюда, без сомнения, лучших из лучших...»

Шлюзовая камера медленно наполнялась воздухом, наконец наполнилась, – в центре мембранного люка появилось крохотное отверстие, быстро росло, расширялось, и вскоре уже можно стало проникнуть на базу, но Несвицкий не хотел попасть туда, согнувшись в три погибели, – дождался, когда люк полностью втянется в стены, и лишь тогда шагнул внутрь.

– Сми-и-и-рна! – раздалась громкая команда.

Встречали его по первому разряду: двумя рядами вдоль переборок выстроились двенадцать рослых гвардионцев из личного конвоя флаг-адмирала: лица под низко надвинутыми касками застыли неподвижно, УОКи опущены к полу. Два офицера: один в мундире гвардейского поручика, с адъютантскими аксельбантами, второй – в темно-синей флотской форме, с погонами капитана второго ранга. Протокол соблюден изящно и тонко: с одной стороны, вроде бы кавторанг почти ровня по званию Несвицкому, всего на ступень ниже; но, учитывая место службы последнего, – не совсем и ровня... И в тоже время чин достаточно высокий, чтобы дать понять гостю: его и представляемую им контору здесь весьма уважают, и кого попало встречать не пошлют...

– Добро пожаловать на борт «Святой Ольги», господин полковник! – капитан второго ранга поднес ладонь к козырьку, поручик скопировал его жест. Гвардионцы сделали «на караул», вскинув УОКи.

– Вольно! – махнул им рукой Несвицкий. Неформальным жестом протянул руку кавторангу:

– Несвицкий, Михаил Александрович.

– Барон фон Корф, Николай Оттович, – отрекомендовался флотский, ответив крепким рукопожатием.

Поручик приличиям был учен, и к руке не потянулся, лишь щелкнул каблуками и склонил голову в коротком полупоклоне:

– Гвардии поручик Гельметов, к вашим услугам, господин полковник.

– Как прошло путешествие, Михаил Александрович? – поинтересовался капитан второго ранга.

– Все в порядке, долетел благополучно, – коротко ответил Несвицкий.

Не рассказывать же, в самом деле, что бот едва не стал жертвой какого-то пилота-камикадзе, прорвавшегося сквозь боевой порядок истребителей прикрытия, и пришлось провести несколько не самых приятных минут жизни при перегрузке в семь «же». Наверняка на джамп-базе уже осведомлены о подробностях инцидента, и жаловаться не к лицу...

– Тогда извините, я понимаю: устали с дороги, но командующий просил немедленно по прибытии пожаловать на военный совет, – произнес капитан второго ранга.

Несвицкий кивнул. На совет так на совет. Для того, собственно, и прибыл на борт джамп-базы он, полковник Несвицкий, адъютант его превосходительства светлейшего князя Горчакова, генерал-фельдмаршала и наместника Его Императорского Величества на Бете Эридана.

Шагая длинным коридором, полковник удивился необычной легкости своих движений – постоянно приходилось сдерживаться, чтобы не передвигаться неприлично большими скачками. Система искусственной гравитации была явно настроена не на параметры, определяемые уставом. Половина «же», а то и меньше... Между тем спутники шагали так, словно ослабленная гравитация была для них привычной.

Интересно, в чем причина?

2

– Господа офицеры!

Присутствующие встали, кое у кого звякнули при этом шпоры, – у числившихся на службе в гвардейской кавалерии; какие уж лошади в век подпространственных звездолетов, однако – традиция-с...

Вошел флаг-адмирал Истомин. Полковник не был знаком с ним лично, и изумился: неужели это тот самый молододцеватый пожилой мужчина с роскошными бакенбардами, которого изображают на официальных стереопортретах?

Бакенбарды, впрочем, наличествовали, – точь-в-точь как на портретах. Но выглядел флаг-адмирал старой развалиной... Неуверенным жестом поприветствовал присутствующих, прошаркал к креслу, тяжело в него опустился.

«Вот почему здесь такая низкая гравитация, – догадался Несвицкий. – Чтобы ординарцам не приходилось вести под белы ручки его превосходительство господина командующего флотом. Однако... На джамп-базе почти три тысячи экипажа, и всем грозит мышечная атрофия, – из-за того лишь, что Государь не решается отправить на заслуженный отдых эту живую легенду гражданской войны...»

Вел совет контр-адмирал Мезенцев – энергичный мужчина лет на двадцать моложе своего непосредственного начальника. Полковник заподозрил, что и на поле боя командует он, отдавая приказы от лица командующего. Но оно и к лучшему, если вдуматься.

– Господа! – начал контр-адмирал. – Мы собрались здесь, чтобы принять ряд простых решений. Все вы, очевидно, информированы, что битва за космическое пространство в этом секторе Эридана закончилась. Закончилась нашей самой безоговорочной и решительной победой.

Несвицкий украдкой поморщился, вспомнив недавнее свое путешествие: перегрузки, притиснувшие его к креслу в пассажирском отсеке космобота, – мечущегося, уворачивающегося от лазерных лучей и гаусс-разрядов. И свое чувство обреченного бессилия вспомнил полковник: жить тебе или умереть, – зависит вовсе не от тебя, от мужества и умения других людей, да и просто от прихоти фортуны...

Мезенцев, словно подслушав мысли полковника, продолжал:

– Здесь, на орбите Елизаветы, мятежникам еще удастся осуществлять отдельные вылазки. Но, уверяю вас, вопрос будет окончательно решен не то что в ближайшие дни – в ближайшие часы. Подпространственный Портал, посредством которого мятежники могли получать помощь извне, уничтожен вчера. Оба космодрома после наших ударов с орбиты стали практически непригодны для использования, и восстановить их мы уже не позволим. Единичные запуски враг осуществляет с замаскированных стартовых площадок, небольших, не позволяющих поднять содинения, представляющие сколько бы серьезную угрозу, и наши доблестные истребители...

Полковник перестал вслушиваться в гладко звучащую речь Мезенцева. Песня старая и хорошо известная: всем победам мы обязаны героическому флоту, а сухопутчики, высадившись на планеты, приходят уже на готовое... Старенький командующий не то благосклонно

кивал, слушая о недавних подвигах своих подчиненных, не то клевал носом в приступе дремоты.

Несвицкий внимательно разглядывал собравшихся людей. Офицеры-армейцы тоже слушали контр-адмирала без энтузиазма, и наверняка имели собственное мнение о том, кто несет на себе главную тяжесть войны: в космосе, дескать, сражаться проще – враг виден издалека, не спрячется, не забьется в крысиную норку, а попробуйте-ка очистить от враждебного элемента поверхность планеты, особенно когда открытый бой сменяется затяжной партизанской войной.

Единственный среди собравшихся офицеров человек в штатском виц-мундире, естественно, вызывал любопытство. Полковник присмотрелся к его петлицам: надворный советник, проходит службу по Министерству возвращенных территорий. Надо полагать, представитель вновь назначенной гражданской администрации Елизаветы – или, как ее называют мятежники, Умзалы.

Контр-адмирал Мезенцев тем временем наконец закончил живописать подвиги своих орлов и соколов, – доблестных экипажей героических боевых единиц космофлота. И перешел непосредственно к тем вопросам, кои и надлежало решить на совете:

– Теперь, господа офицеры, о главном. Флот свою стратегическую задачу выполнил: сопротивление на орбите сломлено, высадка произведена, плацдарм захвачен и в настоящий момент расширяется. Дальнейшие задачи должны решаться уже в плотном взаимодействии с сухопутными войсками, с силами внутренней безопасности и с гражданской администрацией. Однако сопротивление мятежников, наголову разбитых в космосе, на поверхности Елизаветы продолжается с прежним ожесточением. Да, мы одержали викторию на одном континенте. На главном, но на одном. Всего же их на планете, напомним, пять, а если учесть, что Новая Аляска и Земля Чигиринского хоть и почитаются географами за острова, но от материков с точки зрения стратегии не отличаются, то нам придется повторять операцию высадки еще шесть раз. Как вы знаете, сколько-либо существенного морского флота, способного преодолеть океанские просторы – коим, захватив его, мы смогли бы воспользоваться, – на планете не имеется. Значит, предстоят суборбитальные десантные операции. Командование флота считает, что если потери, нанесенные вражескими ПВО и ПКО наземного базирования нашим штурмовикам и десант-ботам, вырастут в семь раз, – подобный ущерб существенно скажется на боеспособности флота. Держать же на орбите джамп-базу и три линкора для концентрированного подавления очагов сопротивления, – подобное решение никак нельзя признать разумным. Лишившись столь значительной части главных ударных сил, флот потеряет стратегическую инициативу в масштабах всей звездной системы. Наше победоносное и стремительное наступление превратится в череду локальных сражений между маневренными соединениями звездных крейсеров, мятежники получают время и возможность для мобилизации и перегруппировки сил, и последствия того могут быть весьма плачевны. Такова общая ситуация, таковы стоящие перед нами непростые задачи, и я жду ваших взвешенных советов, господа, о способах их решения. Прошу вас выступить первым, Сергей Анатольевич. Господа офицеры, кто не знаком, рекомендую: флаг-капитан князь Игнатьев-Центаврийский, за недавние мужество и героизм, проявленные при ликвидации орбитальной обороны мятежников, удостоен высочайшей благодарности и звания флигель-адъютанта Его Императорского Величества, в настоящее время исполняет обязанности командира эскадры легких крейсеров, и, я уверен, вскоре будет постоянно утвержден в этой должности.

Князь – высокий, статный, с благородной сединой в шевелюре – поднялся, коротко поклонился присутствующим.

«Героизм героизмом, но четыре крейсера второго ранга в орбитальных сражениях потеряны, – подумал Несвицкий, – в том числе флагман эскадры. И погиб ее командир,

милейший Карл Иванович фон Энквист, человек удивительной доброты, прославившийся на весь флот чутким и тактичным отношением к подчиненным...»

Князь же Игнатьев, как немедленно выяснилось, от излишней доброты не страдал. По крайней мере, проявлять ее в отношении продолжавших сопротивление мятежников не считал нужным.

– Задача ясна, – без обиняков заявил флаг-капитан. – Мы не можем губить лучшие силы флота лишь для того, чтобы сломить обреченных фанатиков. И не можем двигаться дальше, оставляя за спиной очаги сопротивления. Единственно возможный выход, по моему мнению, – добиться безоговорочной капитуляции противника. Выковыривать по одному рассредоточенные и хорошо замаскированные комплексы ПВО – значит, понести неоправданные потери техники, людей и времени. Предлагаю предъявить мятежникам ультиматум о немедленной капитуляции и затем провести серию акций устрашения. Уничтожать по одному городу в день – до основания, вместе с населением. Уверен, через неделю сопротивление будет сломлено.

– В свое ли вы уме, господин флаг-капитан?! – неожиданно рявкнул мощный, звучный голос, и Несвицкий вздрогнул, не поняв в первый момент, кому он принадлежит. Казалось, что в просторной кают-компании джамп-базы прозвучал пресловутый библейский «глас свыше».

Но нет, голос и слова принадлежали командующему. Флаг-адмирал резко поднялся с кресла и отнюдь не выглядел теперь дряхлой развалиной: плечи распрямлены, глаза мечут молнии... Несвицкий понял, что сейчас видит того, давнего героя Гражданской, – остановившего молниеносное наступление флота мятежников, имевших подавляющее превосходство в силах, на ближних подступах к Новому Петербургу. Спасшего и столичную планету, и императорское семейство от беспощадной резни, позволившего провести плановую эвакуацию...

Годы, тем не менее, брали своё, – вспышка адмиральского гнева оказалась весьма недолгой. Командующий на глазах обмяк, плечи опустились, затем опустился в кресло и сам старик, – не сел, но буквально-таки свалился... Голос его зазвучал негромко, и с каждым словом звучал все тише:

– Там ведь живут люди, Сергей Анатольевич, как вы не понимаете... Некомбатанты, мирные обыватели... Наши люди... Русские люди...

В кают-компании повисла звенящая тишина, все посторонние звуки смолкли, офицеры напряженно вслушивались в слабеющие слова флаг-адмирала.

– Продолжайте, господа... – почти прошептал он. – И я надеюсь услышать более взвешенные предложения...

От армейцев выступил генерал-майор Славич. И тоже подверг критике идею флаг-капитана, хотя и выдвинул совсем иные резоны, чем командующий. А если мятежники не сдадутся? Тридцать с лишним лет прошло, господа, выросло новое поколение, настолько зараженное идеями коммунизма, что... Он, генерал, насмотрелся на освобожденном Новом Петербурге: фанатики, самые настоящие фанатики. Не все, конечно, но немалый процент... И этим фанатикам никакие жертвы не покажутся чрезмерными ради торжества их бредовых идей.

Тактику генерал предложил смешанную, половинчатую: неторопливо, не стремясь купить немедленную победу ценой ненужных жертв, уничтожать очаги сопротивления совместными силами армии и флота. Удары из космоса – но не главным вооружением линкоров и джамп-базы, не глобальные, уничтожающие всё и вся на большой площади. Вместо этого – конкретная отработка крейсерами и эсминцами конкретно выбранных целей, исключительно военных, разумеется. Плюс наземные операции сухопутчиков. Плюс локальные десанты спецназа, как армейского, так и флотского, а масштабную высадку на другие кон-

тиненты совершать лишь после того, как потери в подобной операции не станут чрезмерными. Не станем гвоздить кувалдой, образно выразился генерал-майор, но измотаем врага уколами рапиры. Да, времени потребуется больше, – недели, может быть, месяцы. Но иного выхода он, Славич, не видит.

Завязалась дискуссия. Большинство собравшихся офицеров поддерживало, с теми или иными вариациями, одну из двух высказанных точек зрения.

Выслушали всех. Затем контр-адмирал Мезенцев обратился к человеку в чужом мундире, не проронившему за весь совет ни слова. Точнее, не совсем к человеку... А если уж совершенно точно – совсем не к человеку.

– Будем рады услышать ваше мнение, мнаэрр Гнейи.

Хултианин встал и несколько мгновений молчал с совершенно каменным, неподвижным лицом. Полковник Несвицкий знал эту манеру хултиан – прежде чем что-либо сказать, непременно помолчать, выдержать длинную паузу. Нехитрый вроде бы трюк, но срабатывает без осечек. Спроси у хултианина любую ерунду, какого он мнения о погоде, например, – изреченный ответ покажется глубоко продуманным, чуть ли не истиной в последней инстанции.

– Мятеж должен быть подавлен, – произнес наконец мнаэрр хултианин на чистом русском, но с глубоко-глубоко спрятанным чуждым акцентом. – И не должен никогда повториться. Для этого должны быть уничтожены все мятежники, все сочувствующие им и все укрывающие их. Каким способом наши уважаемые союзники сделают это – их внутреннее дело. Мы окажем всю доступную нам помощь в любом начинании, ведущем к означенному результату.

Он вновь замолчал, ничем, однако, не давая понять, что закончил свое выступление.

Чужой... Совершенно чужой... Вроде бы черты лица, если рассматривать каждую в отдельности, ничем не отличаются от людских. Да и размеры и пропорции фигуры тоже. Лица совсем как у людей, и та же анатомия, но достаточно одного взгляда, – и словно бы болезненный укол острой иглой: чужие! Странно, но трезиане – остатки древней, давно утерявшей былое могущество расы – воспринимаются как-то иначе, без ощущения столь режущей глаз чуждости... Хотя на людей не похожи абсолютно. Наверное, в этом все дело, в подсознательном психологическом барьере: так похожи на людей, – но не люди! И подсознание бьет в набат, трубит тревогу: среди нас чужак! Среди нас оборотень, лишь прикидывающийся человеком! Чужой! Чужой! Чужой!!!

Выдержав полагающуюся паузу, хултианин сказал ожидаемое:

– Это мнение моё, и моего правительства, и моего народа. – Сказал и уселся на место.

Что да, то да... Этого у хултиан не отнимешь. Не было ни одного случая в их взаимоотношениях с эриданцами, чтобы хултианское правительство, например, дезавуировало какое-то заявление своего дипломата. Или бы объявило самоуправством действия какого-то хултианского офицера. Один народ – одна воля, примерно так переводится на русский их главное жизненное кредо. С одной стороны, принцип коллективной ответственности всех за каждого можно еще как-то понять, а с другой... Куда, черт побери, они девают несогласных, мыслящих иначе, не в общей направленности? – недоумевал порой полковник Несвицкий. Не может же таких совсем не быть...

Однако двадцать лет назад преогромнейшей удачей стала случайная встреча в космосе с расой, таким вот образом относящейся к инакомыслию... Без активной и всесторонней помощи хултиан едва ли стала бы возможной нынешняя реконкиста – речь в те годы шла о том, удастся или нет отстоять от мятежников немногочисленные планеты, оставшиеся под властью Империи. И многие считали, что не удастся, что придется совершить новый Исход, превратиться в межзвездных скитальцев без дома и родины...

3

– А теперь нам было бы очень интересно узнать ваше мнение, Вазген Саркисович, – обратился к штатскому контр-адмирал. – Ваше и представляемого вами Министерства, разумеется. Надворный советник Адабашьянц, господа офицеры.

Вот даже как... По-простому, без «господина», и в интонации слышится холодок, не особо даже и замаскированный. Ну конечно, когда его превосходительство контр-адмирал именуется выслужившегося из «беспупковых», будь он хоть трижды надворный советник, на «вы» и по имени-отчеству, – само по себе честь немалая. Но величать «господином» холопьяго потомка, по мнению Мезенцева, – уж чересчур. Всё ясно... Контр-адмирал из той породы твердокаменных ястребов, которые ничего не забыли и ничему не научились...

Речь надворного советника не затянулась, – изложенная холодно, сухо, без каких-либо эмоций.

Елизавета-Умзала с ее гигантскими запасами стратегического сырья, говорил Адабашьянц, одна из ключевых планет не только Беты Эридана, но и всей Империи, – как освобожденной ее части, так и остающейся пока в руках мятежников. Война – весьма прожорливый младенец, можно сказать, ненасытный. Запасы снаряжения, техники и боеприпасов, накопленные за двадцать лет, расходуются теперь очень быстро. Он, надворный советник, не откроет великую тайну, если скажет: расходуются быстрее, чем возобновляются. И если бы не бесценная помощь союзников (поклон в сторону хултианина), то победоносное наступление уже на нынешнем этапе весьма замедлилось бы из-за недостатка ресурсов. Но какие громкие победы не были бы одержаны сейчас, выбор стоит простой: или мы в кратчайшие сроки налаживаем производство, в первую очередь военное, на возвращенных территориях, или обрекаем себя на проигрыш войны в стратегической перспективе.

Отсюда вывод: Министерство не намерено вмешиваться в дела армии или флота. Однако же категорически настаивает (и рекомое требование поддержано Личным кабинетом его Императорского Величества): шахты, рудники и разрабатываемые открытым способом месторождения Елизаветы должны пострадать как можно меньше. Решать, каким именно способом будут достигнуты необходимые результаты, – прерогатива господ военных. Но ясно, что всеуничтожающие удары из космоса исключены. Елизавета – планета малонаселенная, все ее города и поселки образовались возле тех или иных месторождений, уничтожение их автоматически означает: добыча сырья будет возобновлена не скоро. А это – поражение. Никакой героизм не поможет, если боевым кораблям будет не на чем летать и нечем стрелять.

Так вот выглядит ситуация с его экономической колокольни. Решайте сами, господа, но будьте мудры, предусмотрительны и осторожны.

– А теперь слово вам, Михаил Александрович. Господа, кто не знаком: полковник Отдельного корпуса Несвицкий, адъютант его высокопревосходительства наместника, светлейшего князя Горчакова.

Несвицкий встал, тоже звякнув шпорами, – офицеры ОКЖ, «черная гвардия», как их иногда неформально именовали, номинально числились по ведомству гвардейской кавалерии.

– Господа, я должен осветить еще один крайне важный аспект проблемы, до сих пор не обсуждавшийся, – начал полковник. – Естественно, всё мною сказанное будет отражать мнение командования Отдельного корпуса жандармов, равно как и его превосходительства наместника. Более того: проблема известна Его Императорскому Величеству и находится под его личным контролем.

Несвицкий помолчал, чтобы все осознали и прониклись важностью сказанного, затем вдруг понял, что бессознательно подражает хултианам, мысленно сплюнул и продолжил уже проще, без высокопарных формулировок:

– Разговор пойдет о главном богатстве нашей цивилизации. И это отнюдь не руды и прочие ископаемые, хотя я вполне понимаю и разделяю резоны Министерства территорий. Это гены – огромные запасы генетического материала, привезенные на борту «Ковчега-7». С остротой проблемы все знакомы, я надеюсь, – не новость, в каких ничтожных количествах рождаются у нас дети естественным путем, и какие странные отклонения зачастую имеют. Речь не только о рабочих Эрладийских рудников, превратившихся в совершеннейших мутантов. Речь обо всем человечестве Эридана. Геном человека оказался слишком хрупким предметом для жизни под чужими звездами...

Несвицкий ни в малейшей мере не преувеличивал. Естественная рождаемость – даже если бы все дети рождались нормальными – не смогла бы обеспечить воспроизводство населения, не говоря уж о его приросте. А многих родившихся назвать нормальными язык не поворачивался... Оставалось лишь благодарить авторов проекта «Исход», в свое время снабдивших каждый громадный корабль-ковчег запасами мужских и женских половых клеток, достаточными для рождения многих триллионов людей.

Тогда, четыреста лет назад, идея эта вызвала на Земле много неистовых споров. Особенно яростно возражали религиозные ортодоксы: размножаться надлежит тем способом, для которого создал Господь людей, и никак иначе. Полковник Несвицкий искренне считал себя православным христианином, но был убежден в обратном: зачем тогда Господу было наделять каждую дочь Евы тремя-четырьмя сотнями яйцеклеток? Столько детей самой физически не выносить и не родить... Это не говоря уж о количестве мужских сперматозоидов, на многие порядки большем... Не состоял ли Божий план при таких вводных в ином? Не предусматривал ли, что люди должны в концов концов перейти к искусственному воспроизводству?

Как бы то ни было, но лишь привезенные с собой запасы генетического материала позволили человеческой цивилизации Эридана не просто выжить, но и очень быстро развиваться. Естественно, любые запасы когда-то закончатся. Но эриданцы получили очень большую фору... Генетические исследования шли полным ходом, окончательный результат не был достигнут, но наличие весьма обнадеживающих успехов признавали даже пессимисты. Все испортил проклятый мятеж... Затем, в ходе гражданской войны, произошло самое страшное: почти все генетические запасы попали в руки мятежников. И до сих пор не возвращены.

Об этом и повел речь Несвицкий:

– Контейнеры с генетическим материалом мятежники успели эвакуировать из главного хранилища на Новом Петербурге. Через Портал, на какую-то иную планету – но куда именно, нашей агентурной разведке установить не удалось. И вероятность того, что новое хранилище оборудовано где-то в заброшенных штольнях Елизаветы, исключать нельзя. Поэтому работать, господа, придется в белых перчатках.

Полковник выразительно посмотрел на Игнатьева-Центаврийского и добавил:

– Это приказ Его Императорского Величества.

Повисла пауза. Несвицкий, обводя присутствующих тяжелым взглядом из-под наполовину опущенных век, произнес:

– От себя добавлю, господа: у Отдельного корпуса есть *очень веские* основания полагать, что главное наше сокровище спрятано именно здесь. На Елизавете.

А вот это стало уже чистой воды провокацией... Или, если выразиться мягче, проверкой. Оснований, упомянутых Несвицким, не имелось. Имелось другое – две крохотных, совершенно незаметных со стороны камеры, имплантированных на внешнюю сторону век полковника. Включились они после того, как жандарм встал. Позже запись будет изучена

самым дотошным образом, отслежены микромимические, неподконтрольные разуму и воле реакции каждого из присутствующих.

Потому что на Новом Петербурге пришлось столкнуться со следами *чужого* интереса к проблеме. Кто-то, действуя в тайне и не стесняясь в методах, пытался выяснить то же, что «черные гвардейцы»: куда именно отправлены контейнеры из хранилища.

Выяснить, какая именно из влиятельных сил Империи затеяла свою непонятную игру, не удалось: быстротечная схватка в невидимой миру войне, несколько трупов, несколько оборванных нитей...

Но командование Отдельного корпуса очень желало знать, с кем именно довелось столкнуться на узенькой тропинке.

Глава третья. Работа в белых перчатках

1

Степь здесь мало заслуживала такого названия, скорее напоминала полупустыню. А то и попросту пустыню...

Местность по мере приближения к Эрладийскому нагорью повышалась, иссушенная жаркими лучами Беты Эридана, ручьи и родники исчезали, редкие реки текли лишь весной, а летом превращались в цепочки не соединявшихся между собой озер, постепенно высыхающих. И лишь вокруг тех озер, вдоль их влажных берегов, росли нормальные травы, и кустарники, и деревья.

Но чуть дальше, уже через сотню-другую шагов, начиналась пустыня. Не песчаная, а каменистая: поверхность – сплошная каменная крошка, и валяются на ней камни покрупнее – с кулак, с голову, и разбросаны кое-где валуны, остатки древних, почти до основания разрушившихся Эрладийских гор. Росло кое-что и там: перекрученные, ядовитыми шипами ошестинившиеся стебли, почти лишенные листвы, один от другого в нескольких метрах.

А еще – ядовитые испарения, время от времени вырывающиеся из трещин в скальных породах. И жесткое излучение с весьма необычным спектром: вроде ты жив-здоров, и волосы не выпадают, и кровь в порядке, но через несколько лет такое начинается...

Гиблая, в общем, местность.

Лет тридцать с лишним назад, вскоре после того, как прогнали кровопийц-эксплуататоров и повсеместно стирали с карты ненавистные народу названия, собрались было переименовать и Эрладу, и даже название придумали новое, правильное: Кразнара, да засомневались: называть в честь красного знамени революции места эти проклятые?! Так и остались предгорья и пустыня Эрладой...

...Десантировали их за час до рассвета, а подняли по тревоге вообще вскоре после полуночи, не позволив толком не выспаться. Многие досыпали в трюме десантного глайдера, на полу, в тесноте, вповалку, никаких удобств внутри железной коробки не имелось, даже откидные сидения демонтированы – лишь бы впихнуть побольше бойцов. Олегу еще повезло, устроился у самого борта, и лишь с одной стороны давили горячие тела товарищей.

Повезло-то повезло, но... Десантный глайдер – жестянка, по большому счету. Кое-какой броней прикрыта лишь кабина экипажа да еще двигательный отсек, а тоненькие борта трюма, в который загнали курсантов училища младкомсостава, прошьет даже очередь из самого захудалого пулемета, самыми обычными пулями... Тем, кто в центре, еще может повезти, а вот он, Олег... Ладно бы в руку или в ногу, а если в голову? Или в сердце? Получить геройское ранение можно, но чтобы насовсем... Обидно погибать, не повоевав, не убив ни одного имперского гада... И с девушками толком не целовавшись...

Поразмыслив, Олег натянул шлем, затем переместил вещмешок, служивший импровизированной подушкой, – положил так, чтобы получилась преграда между телом и тонким металлом борта. Запихал туда же сумку с противогазом, все-таки еще один лишний защитный слой на пути вражеской пули...

Запихал, сам понимая, каким идиотом выглядит, цифры ТТХ их заставляли учить так, чтобы от зубов отскакивало, и пробивную способность стрелкового оружия знал прекрасно... Но ведь недаром говорят, что лишняя соломинка ломает спину свиноруху?! Значит, и металлопластиковый корпус противогазного фильтра способен хоть немного, но изменить траекторию пули, а большего Олегу и не надо.

Добрались до точки высадки без приключений. Куда именно? А кто же им докладывал... Люк распахнулся, за ним – ночь. Команда: «Все наружу! С вещами и оружием!» Будущий младкомсостав выпрыгивал из глайдеров, строился по отделениям, повинуясь новым командам.

Выпрыгнул и Олег, встал в строй. Фары глайдеров погашены, ничего толком не разглядеть...

Где-то шел бой, далеко, в нескольких километрах. На горизонте небо раздирали огненные вспышки, доносился ослабленный расстоянием грохот.

Незнакомый командир прошелся перед строем – форма запыленная, голова перевязана, петлицы Олег не сумел рассмотреть во мраке. Долгих речей перевязанный не разводил:

– Товарищи курсанты! Командованием поставлена задача огромной важности! Враг рвется к Эрладийским рудникам. Его надо остановить. Здесь. Нам. Любой ценой. Пока мы живы, ни один имперский танк, ни один глайдер не должен пройти к Эрладе.

Обвел строй взглядом, хотя наверняка мог разглядеть лица только самых ближних к себе курсантов. Вроде бы хотел сказать что-то еще, но не сказал, махнул рукой и скомандовал другим тоном:

– Приступить к разгрузке! Командиры рот – ко мне за инструктажем.

Принимая из грузового люка и передавая дальше длинные тяжелые ящики, Олег недоумевал. Что же получается? Десять долгих месяцев их учили на командиров, и почти выучили, и вдруг – под танки! Нет, он понимает, что приказ есть приказ, и обсуждать его бессмысленно, но... Но ведь в должности командира взвода он, Олег, принес бы больше пользы...

Закончили разгрузку, тут и ротный вернулся, лицом мрачней тучи. Построил роту в колонну, повел куда-то в темноту. Четыре ящика из выгруженных понесли с собой. Всего четыре на девяносто человек. В ящиках, знал Олег, лежали «нюшки»... Отчего такое прозвище закрепилось за портативными излучательными комплексами для борьбы с наземными и низколетающими целями, неизвестно. Однако вот прикипело название, и официальную аббревиатуру никто не поминает... «Нюшка» – оружие простое, но эффективное. Жаль, что фактически одноразовое, даже сменные аккумуляторы в комплект не входят... Но если хорошенько замаскировать огневую точку, то с нескольких сотен метров любую бронемашину «нюшка» превратит в кусок мертвого металла, со спекшейся электроникой и хорошенько поджаренным экипажем. Если сильно повезет, и противник замешкается, не сразу накроет расчет ответным ударом, то можно успеть превратить в металлолом еще один танк или бронеглайдер...

Четыре «нюшки» – для восьми человек. А остальные? Будут палить из личного стрелкового в надвигающуюся железную смерть? Это ведь только героический солдат Владлен Октябрь в бесконечном мультсериале о своих похождениях умудряется угодить из подствольника то в воздухозаборник пикирующего на него штурмовика, а то и напрямиком в дуло танковой пушки, подрывая в ней готовый к выстрелу снаряд... В реальной жизни на такое рассчитывать глупо.

Понимал это не один лишь Олег. Потому что в затылок слышался хриплый сдавленный шепот:

– На убой ведут, парни. Даже ведь УОКов нет... Камнями в танки кидать будем? Имперцы тут пройдут, нас не заметив, лишь потом глянут: что там к гусеницам прилипло?

Олег не сразу, но понял, кому принадлежал шепот: Позар-рыжий, из второго взвода, у них там два Позара, вот и различают по мастям: рыжий да черный...

Рыжий продолжал бубнить о полной бессмысленности предстоящей гибели, и Олег собрался было заткнуть паникера, но кто-то успел раньше:

– Смолкни, сука! Не хорони до срока!

Позар обиженно замолчал. Шагали молча и недолго, с полчаса где-то. Остановились, новая команда: разойтись, перекурить, оправиться. Перекурили, старательно пряча огоньки папирос кто в ладонях, кто под полкой. Оправились, кому приспичило. Посидели на вещмешках – жесткие, с острыми сколами камни больно впивались в тело даже сквозь форму. Перекурили еще... Помалу начал донимать холод, Олег удивился: он-то считал, что Эрлада – место куда как жаркое... Кто-то высказал то же самое удивление вслух, другой голос пояснил: тут всегда так, днем жара дикая, ночью холодрыга, оттого-то и камни трескаются, на куски рассыпаются... Подожди, часа через три после рассвета так припечет, что холодок этот ночной за счастье вспоминать будешь. Рыжий встрял снова: а дадут ли нам дожить до жары-то? Ох как сомнительно...

Тут уж Олег, успевший всё хорошенько обдумать, его оборвал: хватит панику сеять! Не дурней же тебя командование? Ясней ясного, что танки до нас не доедут, разве что один или два через передовые рубежи прорвутся. Ну и поджарим имперцев из «нюшек», молодым командирам боевой опыт не помешает.

Рыжий паникер хотел что-то возразить, но тут Жега-взводный подошел, и разговоры стихли. Поднял своих, провел чуть левее, – вот, дескать, наша позиция. Окопаться и готовиться к обороне.

Оставался бы у них комвзвода по-прежнему старшина Умзар, как в первые месяцы обучения, – уж точно бы такую глупость не сморозил. Бывалый был мужичок, в гражданскую повоевавший. Но как новая война началась, всех старых взводных из училища тут же забрали, взамен назначили из своих же курсантов: практикуйтесь, дескать, товарищи будущие командиры.

А Жега, конечно, из успевающих курсантов был, но...

Окопайтесь... Ну-ну... Потыкали для вида саперными лопатками в камень – приказ есть приказ. Да только тут самый захудалый окопчик долбить полгода придется, если, конечно, без взрывчатки или лазерного бура.

Жега и сам сообразил, что промашка вышла, призадумался и новый приказ выдал: валуны используйте, да бруствера выкладывайте из камней, тех, что поменьше.

Стали использовать и выкладывать... Но валунов на всех не хватало, да и камни не больно густо тут рассыпаны оказались, хилые бруствера получались, даже не спрятаться толком, не то что огонь вести.

А Олег к взводному, по всей форме, негромко так:

– Разрешите обратиться, товарищ комвзвода? По личному делу?

И в сторону кивнул, и лицо серьезное изобразил: мол, личное дело-то, да не совсем...

Отошли. Олег резину тянуть не стал: так мол и так, товарищ Жегвар, пособник врага среди у нас обнаружился, вернее, не совсем у нас, – во втором взводе. Панику сеет, людей смущает, вот-вот к дезертирству подбивать начнет. Или сам, один в ночь смоеется, ищи его потом всем училищем, пустыню на жаре прочесывай.

Жега лицом помрачнел, ушел куда-то. К ротному начальству, надо понимать. И вскоре вестовой прибежал, за Олегом: курсант Ракитин, бегом до комроты!

Рассветало...

У большой скалы несколько человек собрались. Сам ротный, и Жега, и Стален, второго взвода командир. Курсантов трое – из тех, что речи рыжего слышали. И Позар тут же – без оружия стоял, без шлема, без ремня...

Комроты подошедшему Олегу планшетку в руки сунул, да бумаги лист, да ручку: пиши, секретарем будешь.

Олег не понял: каким секретарем? Ротный прошипел: трибунала, мать твою! И голос злобный-злобный...

Ну дела... Олег-то думал, что Позара под арест, да на гауптвахту, а потом рядовым на фронт, не нужен нам комсостав с такими-то мыслями... Как бы не так. Ротный пару вопросов свидетелям задал, к рыжему повернулся: чем оправдаешься?

Тот оправдываться не стал. На Олега уставился, одно твердит: сука, сука, сука... Голос бабий стал какой-то, чуть не рыдающий.

А ротный уже Жегу и Сталена в сторону тянет, совещаться. И тут же обратно вернулись. Комроты приговор огласил, быстро так, Олег записывать не успевал, какие-то обрывки фраз только на листок попадали: «по законам военного времени...», «решили единогласно...», «привести в исполнение немедленно...»

Олег не сразу понял, что пишет. Думал, ослышался.

Расстрел??!

За слова, по глупости сказанные?!

А ротный уже на Олега показывает, скрежещет:

– Ты изменника выявил, тебе и точку ставить!

Час от часу не легче... Может, пугает ротный Позара? Чтоб на всю жизнь проникся, каково языком трепать?

Рыжий дожидаться и проверять: так оно, или нет, – не стал. Только что стоял обмякший, словно сонный, и вдруг закатал ближнему курсанту кулачищем между глаз. Да как побежит!

Ба-бах! – рывкнул пистолет ротного.

Позара вперед швырнуло, рухнул, лежит, не шевелится... Кровь по камням разползаться начала...

А Олег смотрел и поверить не мог, что всё наяву, взаправду. Казалось, задремал все-таки в глайдере, разморило, и вот-вот проснется от команды «Все наружу! С вещами и оружием!»

2

Красногальск, родной городок Юлены, казался в предрассветной мгле мертвым.

И не только затемнение тому причиной, Юля уже привыкла к нему за последние две недели: едва стемнеет, нигде ни огонечка... Она не сразу сообразила, в чем дело, но затем поняла: звуки! Вернее, их отсутствие... И детство ее, и все семнадцать лет жизни прошли под эти звуки, ставшие настолько привычными, что сознание их игнорировало, не воспринимало. В Красногальске всегда было шумно, в единый звуковой фон сливались и шум техники с близлежащего «червонца» – разреза имени Десятилетия революции, и низкий гул воздухонагнетателей с обступивших городок шахт, и несмолкаемый рокот сепараторов обогатительного комбината...

Теперь смолкло всё. И родной Красногальск показался чужим и безжизненным. Мертвым. Громадные силуэты терриконов выглядели тушами исполинских чудовищ, приползших непонятно откуда, чтобы сдохнуть именно здесь. Дома стояли бесплотными призраками, и отчего-то у Юли крепло убеждение: войди в любой, и никого не найдешь, ни единого живого человека, лишь разбросанные вещи, покрытые толстым многолетним слоем пыли...

Где-то она читала или слышала, что подпространственные порталы воздействует не только на пространство, но и на время, иначе мгновенный перенос из одной точки в другую попросту невозможен... Но свойства этого воздействия якобы толком не изучены. Вдруг удар имперских убийц по умзальскому Порталу привел к какому-то странному хроноэффекту? Всех, кто оказался поблизости, – и своих, и врагов, – зашвырнуло в будущее? И дома Красногальска уже много лет, много десятилетий стоят пустые и безжизненные, и много лет разрушаются заброшенные рудники и шахты... Нет никого, кто знал и любил Юлену, их кости распались в невесомый прах, и она осталась одна, совсем одна на всем свете...

Юля переставляла ноги все медленнее и медленнее. Она не хотела войти в свой мертвый дом...

Звук раздался неожиданно, совсем рядом, – собачий лай, звонкий и залиvistый. Юлена разозлилась: тьфу, навывдумывала, ничем не лучше Донары с ее дурацкой вражеской байкой о разумных ракетах... Она зашагала быстрее.

Вид у нее был... Про то, как она сейчас выглядит, Юлена старалась не думать. Не видит никто, и ладно. Вся одежда осталась после бегства на берегу реки, и обувь тоже, большую часть пути пришлось отшагать голышом. И босиком, что еще хуже, – израненные, исколотые ноги покрылись сплошной коркой запекшейся крови...

Несколько часов назад ей повезло, нашла на краю поля несколько не то позабытых, не то брошенных мешков с химическими удобрениями. Теперь один из тех мешков, опустошенный и вывернутый наизнанку, не очень-то успешно пытался изобразить платье (дырки для головы и рук пришлось проделать в неподатливой синтетической ткани при помощи зубов). На ступни были намотаны полосы той же ткани – хоть какая-то, но обувь...

Пробиралась Юля окраиной Морозовки.

Красногальск был невелик, чуть больше ста тысяч населения. Однако числился административным центром края, – остальные разбросанные по Гальской степи городки и шахтерские поселки были еще меньше. Город образовался некогда путем слияния нескольких рабочих поселков, расположенных рядом с одноименными шахтами, и отдельные районы его стояли несколько наособицу. Морозовка и была одним из таких районов-поселков. Здесь Юлена родилась, здесь прошли ее детство и юность, в небольшом одноэтажном, на две семьи, домишке. Но сейчас все тут казалось не родным и близким – незнакомым и смертельно опасным.

Она пересекла двор неслышной тенью, торопливо поднялась на крыльцо. Постучала негромко, условным стуком. За дверью – тишина, ни звука, ни шороха.

Ноги обмякли, сердце замерло, пропустило пару ударов. Неужели всё, что навоображала себе под конец пути, – правда?! Одичавшие собаки могут жить и в безлюдном городе...

Она забарабанила в дверь отчаянно, позабыв про всякую осторожность.

Сквозь узенькую щелку ударил лучик света, прямо в глаза. За дверью прозвучал встревоженный женский голос:

– Кто там? Что случилось?

– Мама, мама, мама... – шептала Юля, и слезы катились по ее щекам.

3

Через час после рассвета и в самом деле стало припекать, все сильнее и сильнее.

Струйки пота скатывались под формой, щекотали тело. Металл гаусс-винтовки раскалился, Олег старался касаться только пластмассовых ее частей, но затем решил поправить прицел подствольника и чуть не обжегся... Голова внутри шлема... да, примерно так, наверное, ощущает себя содержимое кастрюли, поставленной в печь.

Казалось: пусть уж все поскорее начнется и закончится. Лучше бой, чем такое вот жаркое и потное его ожидание... Хотя, конечно, страшновато было. Первый бой... Да еще против бронетехники... Даже когда на тебя танки на полигоне прут, и знаешь, что снаряды у них учебные, а эмиттеры только имитируют боевое излучение, – и то поджилки подрагивают...

И все же Олег нетерпеливо ждал боя. Потому что мысли все время сворачивали на недавнее происшествие с Позаром. Очень неприятные мысли...

...Выстрел комроты не убил беглеца, всего лишь пробил бедро. Стоять самостоятельно Позар не мог, его держали под руки, – пока Стален, с трудом разбирая каракули Олега, зачитывал приговор перед мрачным строем курсантов.

А потом произошло самое мерзкое... Ротный, не глядя, потыкал пальцем в строй – ты, ты, ты... – вызвал вперед шестерых. Седьмой – Олег. Расстрельная команда. Приговоренного привалили не то к громадному валуну, не то к небольшой скале, и, едва отпустили, – он тут же ополз, оплыл на землю, сложился пополам, уткнув голову в колени... Мимикрирующий комбинезон немедленно принял буро-ржавый цвет скалы. Бинты на небрежно перевязанной ноге Позара набухали красным.

По команде «Пли!» Олег выстрелил, закрыв глаза... Наверное, для того и назначают в расстрельную команду несколько человек, чтобы каждый мог потом заниматься самообманом: может, вовсе и не моя пуля прикончила изменника... Да только здесь не тот случай: расстреливали не пулями – гаусс-разрядами. С такого расстояния не промахнешься, как ни зажмуривайся...

Когда Олег поднял веки, все закончилось. Человека перед ними не было. Спекшееся нечто... А уж запах... Два с лишним часа прошло, но казалось: отвратительная вонь горелого мяса до сих пор терзает ноздри. Оттаскивать в сторону и засыпать мелкими камнями *это* тоже пришлось их семерке. Никто не произнес ни слова, но взгляды Олег ловил весьма недоброжелательные. Из-за тебя, дескать, в палачи угодили...

Но разве он виноват?! Разве не так же должен был поступить на его месте любой революционный курсант?! Каждый... Но сделал то, что был должен, лишь он... Правильно всё сделал, но отчего же так мерзко на душе?

...Атака, как ее ни ждали, началась неожиданно. Нарастающий вой – пронзительный, вонзающийся в мозг – послышался сверху. Штурмовики, догадался Олег. Заходят на атаку со стороны солнца... Быстрым движением опустил светофильтр на щиток из бронестекла, прикрывавший шлем спереди, поднял взгляд. Так и есть: на потемневшем небе желтеет пятно солнца, а рядом – черные пятнышки, почти не движущиеся, лишь увеличивающиеся в размерах...

Умом Олег понимал: рассеявшихся, забившихся в каменные щели курсантов не увидят ни глаза пилотов, ни хитрые приборы: форма мимикрирующая, в инфрадиапазоне они тоже не видны, источников тепла вокруг хватает, над «нюшками» и их расчетами – все-таки изрядный компакт металла – раскинуты зонтики маскирующих полей, и металлодетекторы промолчат... Атаковать штурмовики смогут лишь вслепую, бить по площадям.

Всё так, но отчего-то казалось, что пилоты прекрасно видят именно его, Олега... Его одного – маленького, крохотного, беззащитного... Что у воющего в небе смертоносного железа лишь одна цель: он, Олег Ракитин.

– По штурмовикам не стрелять! – прозвучал голос Жеги-взводного в наушниках шлема. Уверенный голос, командирский, но Олегу отчего-то показалось, что очень глубоко в нем угнездилась неуверенность. А может, и вправду показалось...

Во всех учебниках по тактике, что приходилось штудировать будущим младшим командирам, говорилось одно и то же: атаку низколетящей бронетехники предваряет комбинированный удар с воздуха, ракетно-бомбово-лучевой.

Пилоты имперских штурмовиков, очевидно, те учебники не читали. Ракеты не помчались к земле, и не ударили лучи боевых лазеров, и не хлестнули плети гаусс-излучения, невидимые, но смертельные.

На позицию роты курсантов всего лишь посыпались бомбы... Взрывались они негромко, выбрасывая огромные облака темно-коричневого дыма. Завеса, понял Олег, и не только визуальная, – облака перенасыщены полиметаллическими микрокристалликами. Но и отравляющие компоненты не исключены... Он автоматическим, отработанным движением пристыковал цилиндр противогаса к воздухозаборнику шлема.

Завеса густела... Игра теперь пойдет на равных: имперцы не видят их, но и они не смогут засесть приближающиеся танки и бронеглайдеры.

– По танкам – огонь! – выкрикнули наушники голосом Жегвара.

Танков Олег не видел. Равно как и других целей... Вертел головой во все стороны, пытался разглядеть врага в разрывах дымовой завесы. Тщетно...

Но другие, похоже, увидели. Хлопали гауссовки (вернее, их системы охлаждения, выбрасывавшие отработанный инертный газ) и с противным визгом уходили к цели гранаты из подствольников. «Нюшки» работали практически бесшумно, и вступила ли в бой хоть одна из них, Олег не знал.

Танк вынырнул из дыма совсем рядом, в паре сотен метров. Двигался он, конечно, на антиграве, на высоте человеческого роста над землей. Пушка повернута в другую сторону, но гаусс-эмиттер над башней вращается быстро-быстро, готовый в любую секунду и в любую сторону плюнуть невидимой и неслышимой смертью...

Олег поймал прицелом бронированную громадину. Стрелять из гаусс-винтовки в танк – занятие достаточно бесплодное. Защитные поля погасят энергию выстрела – температура внутри боевой машины повысится на тысячную долю градуса, на какую-то очень малую часть своей емкости разрядятся аккумуляторы танка... Вот и весь ущерб врагу.

Подствольный гранатомет чуть более эффективен. Но лишь чуть... Слишком невелики по размерам уязвимые части бронемашин, слишком большое рассеяние у гранат...

И все же Олег выстрелил в шар эмиттера, успев мельком подумать, что чем-то он напоминает школьный глобус, только ножка слишком толстая.

Ба-бах! Мимо... Граната просвистела в метре от цели, и ее белый дымный хвост исчез в туче дыма.

Слева тоже кто-то выстрелил по танку, тоже гранатой. Угодил в корпус – грохот, ослепительная вспышка, визг осколков. Зрелищно, но безвредно для танка. Кто там, слева? Олег не помнил, да и некогда было вспоминать...

Танк нанес ответный удар. Пушка рывкнула, и там, откуда прилетела вторая граната, встала стена багрового пламени. Ненадолго, на секунду или две – но живых среди обугленных камней не осталось с гарантией. ОВС, объемно-вакуумный снаряд, страшная штука...

«Зален...» – вспомнил Олег. Именно он там лежал, в укрытии между двумя валунами. Нет больше Залена, круглолицего улыбатого парня, и обугленный труп его скорчился в позе эмбриона, отчего-то всех, угодивших в зону действия ОВС, находят потом именно в таком виде...

– Убийцы, убийцы, убийцы... – шептал Олег, нажимая на спуск, и сам не слышал себя за грохотом боя.

Гранаты летели в танк одна за одной, уже неприцельно, но если есть на свете хоть какая-то справедливость, то одна из них должна, обязана найти щелочку в защите и прикончить этих убийц...

Не прикончила.

Наоборот, сквозь разрывы гранат Олег различил, как башня танка неторопливо поворачивается в его сторону.

Ну вот и всё...

Гранаты в барабане подствольника закончились, но он не тянулся к подсымку за новыми, замер, оцепенел... В голове вертелась одна-единственная дурная мысль: «Почему они не используют эмиттеры?» Как будто имеет какое-то значение, спалят тебя настоящим живым огнем или поджарят невидимыми глазу волнами...

А затем по танку прошла судорога. В самом прямом смысле – легкая рябь прошла по наблюдаемой Олегом картинке, словно он наблюдал танк не живую, а на экране визора, и к телесигналу добавлялась какая-то помеха.

И боевая машина рухнула с двухметровой высоты! Катки не вращались, инерция протаскивала танк вперед на неподвижных гусеницах, одна лопнула, распласталась суставча-

тым телом, словно громадная стальная сороконожка... Бронированная громадина замерла – неподвижная, накренившаяся.

«Нюшка» сработала! – понял Олег. Черт возьми, если у него когда-нибудь родится дочь, он назовет ее Анной, наплевать, что старорежимное имя! А звать будет только Нюшей, и никак иначе!

И тут же сквозь клубящуюся коричневую муть прорвался грохот, в разрывах дымовой завесы взметнулась и опала стена пламени... В наушниках – дикий вопль, оглушительный и очень короткий. Жега... Нет больше взводного... И «нюшки», спасшей Олегу жизнь, нет.

– Взвод, принимаю команду на се... – завопили было наушники сорванным, незнакомым голосом – вроде как Марлен, а может, и не он... Фраза тут же оборвалась, перешла в булькающий клекот.

Что было потом, Олег воспринимал кусками, отрывками, никак не связанными между собой эпизодами.

...Он рядом с мертвецом – шарит в подсумке, ищет гранаты к подствольнику, свои закончились, но и убитый успел расстрелять весь боезапас... Как он здесь очутился, Олег не помнил. И труп не опознал, шлема нет, вместо лица кровавое месиво, взрывная волна протащила мертвого уже человека по острым камням... Неподалеку подбитый боевой кибер – аккумуляторный отсек искорежен, растерзан взрывом, суставчатые конечности изломаны, нелепо разбросаны по каменистой земле, и кажется, что механическое существо, погибая, страдало и мучалось ничуть не меньше живого...

...Из дыма выныривает бронеглайдер, тоже дымящийся, – но клубы валят от него другие, черные. Машина подбита, идет не на антиграве, на колесном ходу, защита отключена, гранаты одна за одной ударяются в корпус, взрываются... Потом глайдер замирает, и Олег стреляет из гауссовки в посыпавшиеся из люков темные фигуры в громоздких защитных костюмах...

...Он сидит на валуне, и не слышит ничего, бой вокруг продолжается отчего-то совсем бесшумно, шлема на голове нет, винтовка валяется рядом, – вернее, искореженный кусок металла, бывший недавно винтовкой... Руки в крови...

...Вновь бронеглайдер, на сей раз не подбитый, парящий на антигравитационной подушке, наплывает прямо на Олега, и выстрелить не из чего... «А ты швырни камень!» – издевательски советует мертвый Позар, и его – только его – Олег прекрасно слышит... Бежать и прятаться нет сил, он безвольно смотрит, как поворачивается в его сторону башенка бронеглайдера, и в последнюю перед выстрелом секунду успевает понять, что установлен в ней не лазер, но какое-то иное, незнакомое оружие...

И всё заканчивается.

Глава четвертая. Приватный разговор под тайным наблюдением

1

Каюта была освещена светильниками, имитирующими свечи, и имитирующими довольно удачно.

Несвицкий поднял фужер, посмотрел сквозь него на псевдосвечу, – прилипшие к хрустальным стенкам пузырьки отнюдь не показались покрытыми радужной пленкой... Шампанское натуральное, не синтетик.

– Странно, что из всех планет Эридана, где прижился земной виноград, настоящее вино получается лишь на Троице... – задумчиво сказал полковник.

Сказал лишь для того, чтобы хоть что-то сказать. Он понятия не имел, зачем его пригласил в свою каюту барон фон Корф спустя час после завершения военного совета, но подозревал: не просто для того, чтобы всего лишь угостить шампанским.

– Вы уверены, Михаил Александрович? – поднял бровь хозяин каюты.

– В чем уверен? В том, что производимый на Александре или Славоросе продукт вином является лишь по названию? Да, уверен.

– Я, собственно, не о том... Наше знание о том, что *настоящее*, а что нет, – уверены ли вы в нем? Вино – лишь частность...

– Знания человеческие конечны и ограничены, – крайне обтекаемо ответил полковник. – Лишь Бог может претендовать на владение полной и всеобъемлющей истины.

Несвицкий сделал крохотный глоток, шампанское перекатывалось во рту, и он несколько секунд ждал, что левый глазной зуб пронзит сейчас короткая и острая вспышка боли.

Боль не появилась... Микродатчик, имплантированный в ткань зуба, не обнаружил никаких посторонних примесей к вину. Несвицкий наконец проглотил напиток, ставший теплым и безвкусным.

Стоило ожидать именно такого результата теста... Он уже догадался, что фон Корф принадлежит к родственной службе, только к флотской. Следственно, капитан второго ранга должен понимать, что полковника «черной гвардии» одурманить химическими способами не так-то просто... Да и физическое психотронное воздействие если и возможно, то уж незаметным для объекта его никак не сделаешь.

Меж тем хозяин каюты развил свою мысль:

– Мы ведь живем в достаточно условном мире, не находите, господин полковник? В мире, который наши предки четыре с половиной века назад не восстановили, не склеили из осколков чего-либо, реально существовавшего и недавно утраченного... Нет, Империю воссоздавали даже не по смутным о ней воспоминаниям, никто на седьмом «Ковчеге» не мог ее помнить. Эриданская Империя – воплощение идеализированной мечты об имперской идее. Причем мечты людей, никогда не живших в настоящей Империи, в той, прежней, Российской... Не от этого ли все наши беды? Обычно мечты утопистов и прожектеров остаются мечтами. Но в нашем случае имело место исключение из правил. Исключение, не имевшее прецедентов в земной истории. В руки мечтателям попало мощнейшее средство для воплощения их мечты: «Ковчег-7». Некое протояйцо, некий зародыш новой цивилизации... И мне порой кажется, что упомянутое яйцо подложили не под ту наседку.

«А ведь это проверка», – понял Несвицкий. Каюта напичкана записывающей аппаратурой, сомнений быть не может... Вопрос в другом: кто проверяет и с какой целью? Лично кав-

торанг? Едва ли... Или всё затеяно с ведома и благословения руководства флотской контрразведки? И осведомлено ли высшее флотское начальство об этой акции?

А самый главный вопрос звучит так: насколько всё происходящее связано с чужим интересом к судьбе генетических материалов, вывезенных с Нового Петербурга?

– Мне кажется, Николай Оттович, три века развития Эридана доказали жизнеспособность выбранной модели, – сказал полковник все так же осторожно. Но шампанское отхлебнул уже гораздо смелее, с удовольствием.

– Ой ли? Не свидетельствует ли сегодняшнее совещание об обратном? Мы ведь сегодня решали страшную вещь, если вдуматься: как минимизировать потери, – сколько людей можно позволить убить, чтобы как можно быстрее добраться до ресурсов, необходимых для истребления новых миллионов!

«Да он что, под красные знамена меня вербует?!» – несколько растерянно подумал Несвицкий. Не может все быть настолько примитивным...

– К нашим противникам подобная логика применима в еще большей степени, – сказал он. – Те, кто контрабандой протащили на «Ковчег» коммунистические идеи, тоже никогда не жили при своем вожденном строе. Даже в самом мягком его варианте. Общество, что они построили там, – Несвицкий показал пальцем на переборку, хотя не был точно уверен, что именно в той стороне от джамп-базы расположена Елизавета, – тоже воплощение утопической мечты. Только очень кровавой мечты. Безжалостной. Уж они-то, будьте уверены, считать потери и минимизировать жертвы не озаботятся.

Он выдержал паузу. Затем ответно забросил удочку в мутную воду мутного разговора. Профессионал, если он хороший профессионал, даже на собственном допросе должен постараться получить максимум информации от допрашивающих его... А здесь и сейчас происходит даже не допрос – непонятная пока провокация.

– На Новом Петербурге мы захватили архив генохранилища, – сообщил полковник. – И были поражены... За сорок лет своего хозяйничанья коммунисты израсходовали половину от тех генетических запасов, что мы истратили за три века. Не освоив, не заселив при том ни одной новой планеты. Каково?

Ну-ка, как отреагирует кавторанг? Неопознанные конкуренты смогли раздобыть ту же информацию... А вот родственным службам она не сообщалась. Лишь фигурировала в секретном докладе Его Величеству.

Фон Корф искренне удивился. Либо же весьма талантливо изобразил удивление.

– Помилуй Господи... Куда же они столько?

– Средняя продолжительность жизни в так называемом Союзе – двадцать три года, – пожал плечами полковник. – Методы хозяйствования возрождены примитивнейшие: все средства и ресурсы вкладывались в военное производство, а в остальных отраслях – механизация на уровне Древнего Египта. Никаких кибершахтеров – самые ядовитые руды люди добывали вручную. И громадные плантации обрабатывали вручную. И каналы от моря до моря строили – лопатами и тачками. Эпидемии, голод... Чистки неблагонадежного элемента – а это многие миллионы, даже десятки миллионов жертв.

– Невероятно...

– Вы не знали? Неужели флотская разведка не держала агентурную сеть на мятежных планетах?

Несвицкий знал точно – была и есть у космофлота такая сеть. И у армейской разведки тоже... Но хотел услышать ответ фон Корфа. Полковник все еще не понимал смысл затеянной с ним игры.

– Я служил одно время по линии разведки, но в другом отделе, – пояснил кавторанг. – И всегда считал, что донесения наших агентов несколько... э-э-э...

– Корректируются в пропагандистских целях? – закончил фразу Несвицкий.

– Именно так...

– Я занимался как раз Эриданским Союзом. И заверяю вас: да, доходившая до общест-венности информация фильтровалась и корректировалась. Но корректировалась совсем в другую сторону! Иначе трудно было бы остудить иные горячие головы, требующие немед-ленного вторжения... Вторжения, на которое не было тогда ни сил, ни средств.

Он замолчал, выжидая: вернет или нет фон Корф разговор к проблеме генетических материалов?

Вернул...

– Но как они умудрились... э-э-э... освоить такое количество половых клеток? – спро-сил кавторанг. – Ведь в большинстве своем инкубаторы остались у нас, а создание новых – сложнейший технологический процесс, и при их примитивной экономике едва ли возмо-жен...

– В том-то и дело, что три четверти истраченных запасов они не освоили. Угробили бездарным образом. Банальное отторжение оплодотворенных яйцеклеток – и миллиарды новых жителей Империи никогда не появятся на свет. Как и миллиарды жителей Союза, впрочем.

– То есть...

– Да. Примитивнейшие операции по имплантации эмбиона – без анализов, без про-верки совместимости, самым кустарным методом... Массово и втайне, без согласия прием-ных матерей, – женщины шли на обязательный ежегодный осмотр к гинекологу и в одной четверти случаев возвращались беременными.

– И никого не встревожил такой всплеск рождаемости?!

– Способных встревожиться добивали к тому времени в лагерях перевоспитания. Остальным объяснили: без гнета имперских кровопийц, под мудрым руководством партии... Ну и так далее.

– Но ведь тогда дети у них рождались... – начал было фон Корф и вдруг осекся.

Несвицкий удержался от каких-либо комментариев. Вот, значит, в чем дело... «Рожда-лись непохожими на родителей», – наверняка именно это собирался произнести кавторанг, во внешности которого явственно просматривались кавказские черты, как-то не гармониру-ющие с остзейской фамилией. Дворянские роды Империи тоже пользовались донорскими эмбионами, никуда от этого не деться. Естественно, в подобных случаях очень осторожно и тщательно подбирался генотип будущего ребенка. Но иногда случались сбои...

Несвицкий, кстати, не знал и не желал знать, естественным ли путем родила его мать. Хотя, помнится, лет так в семнадцать однажды целый вечер просидел в своей комнате перед зеркалом, обложившись снимками отца в молодости. То казалось: похож; то – вроде не очень... Потом понял: какая разница? Что это меняет? Ничего, ни отношение родителей к нему, ни его к родителям... Так до сих пор и не знал. Фон Корф, по всему судя, знал точно.

Помолчали...

Затем барон вновь наполнил фужеры и произнес словно невзначай:

– Вы отчего-то не спросили, Михаил Александрович, чем же я занимался, прослужив пятнадцать лет в разведке, – если так слабо ориентируюсь во внутренних делах Союза.

– Все равно бы не ответили, – пожал плечами Несвицкий.

– Почему же? Отвечу.

Вот как... Похоже, разговор подошел к тому главному, ради чего он затеян.

– Ну и чем же вы занимались?

– Хултианами.

Несвицкий очень надеялся, что на лице его никак не отразились эмоции, вызванные единственным словом фон Корфа.

2

Сказать, что хултиане закрытая раса, а принадлежащие им планеты – закрытые планеты, – значит, не сказать ничего.

Закрытость закрытости рознь... Можно закрыть дверь, ведущую в комнату, где посторонние нежелательны, – притворить и повесить табличку: «Закрыто! Не беспокоить!». А можно воздвигнуть несокрушимую броневую преграду, и усеять ее множеством механических и электронных замков, заминировать, перекрыть все дальние и ближние проходы смертоносным излучением. Ну и табличку... Ту же самую.

Видеть у себя посторонних хултиане не желали категорически.

Нет, полный запрет на посещения они не ввели: официальные делегации с Эридана – с имперской его части, разумеется – регулярно посещали Мнаурх, столичную планету хултиан. Там же постоянно функционировало посольство Империи, работали торгово-промышленное и военное представительства. Этим дело и ограничивалось. Никакого межзвездного туризма, никаких поездок частных граждан по личным или коммерческим делам, – все контакты исключительно на государственном уровне.

Ни военные, ни грузовые корабли эриданцев никогда не прибывали в хултианские космопорты – и делегации, и потоки грузов попадали к месту назначения через подпространственные порталы, смонтированные и обслуживаемые хултианами. Никто из потомков землян не мог похвастать дружескими, личными отношениями с кем-либо из союзников. Не говоря уж о сексуальных – хотя с точки зрения физиологии препятствия возникнуть не могли. Считалось, что не могли... Чисто теоретически считалось.

Люди на Мнаурхе – дипломаты, торговые и военные представители, – обладали весьма малой свободой передвижения. Имели полное право, разумеется, составить и вручить официальный запрос: желаем посетить такое-то место, и встретиться с такими-то хултианами. Но весьма часто получали стандартный ответ: «Вэйэ ду», что в переводе означало: «Это не интересно». Дошло до того, что расхожей фразой стали пользоваться и эриданцы-имперцы, правда, в несколько ином значении...

Естественно, тем большее любопытство вызывали внутренние дела хултиан у разведслужб Империи: не враг, конечно, союзник, – но все-таки неплохо бы знать, что у союзника происходит, и чего можно от него ожидать и в ближайшее время, и в длительной перспективе...

Естественно, при таких вводных развертывание своей агентурно-резидентурной сети на хултианских планетах казалось трудновыполнимым, а то и попросту невозможным.

Хуже того, в 327 году Исхода последовал рескрипт Его Императорского Величества: любая разведывательная деятельность в отношении союзников-хултиан воспрещалась.

Высочайший запрет есть высочайший запрет, но...

Но профессионалы тайных войн иногда лучше, чем власть предержавшие, понимают, что можно, а что нельзя делать для блага Отечества. По крайней мере, Отдельный корпус жандармов разработку хултиан продолжил – негласно и крайне осторожно.

Свою агентуру не внедрить? Ну так проводились попытки вербовки хултиан, прибывавших на имперские планеты, – причем каждая обставлялась сложнейшей многоходовой комбинацией, позволявшей при желании выяснить, что *подходы* ищет кто угодно, но только не черные гвардейцы. В основном стрелки переводились на агентуру Эриданского Союза.

Результаты оказались плачевными – ни один хултианин завербован так и не был. Но аналитики трудились в поте лица, пытаясь по крохам, по обрывкам информации вычислить: что же происходит там, на хултианских планетах? Плоды их трудов тоже не радовали, слишком уж скудны оказались те крохи...

Но, в любом случае, вся работа по хултианскому направлению была одним из наиболее оберегаемых секретов Отдельного корпуса.

Имелись подозрения, что и иные родственные службы предпринимают аналогичные попытки, тоже в глубокой тайне, разумеется. И вот теперь барон фон Корф – после проверки на сочувствие коммунистическим идеям – выкладывает на стол этакую карту... Джокера, который может обернуться хоть тузом, хоть задрипанной шестеркой.

3

Несвицкий изобразил простодушное лицо и не сказал ничего. Хултиане, дескать? Ну и ладно, не мой профиль, а давний рескрипт двадцать седьмого года все поголовно офицеры Корпуса помнить не обязаны.

Барона показное равнодушие собеседника не обмануло.

Несколько секунд он внимательно вглядывался в лицо Несвицкого, затем произнес с легкой улыбкой:

– Сейчас и здесь говорят не просто капитан второго ранга фон Корф с полковником Несвицким, – но Отдельный корпус с Управлением разведки и контрразведки космофлота.

– Увы, я не имею полномочий для подобного разговора, – немедленно парировал жандарм.

– Однако донести его содержание до руководства не просто уполномочены, но и обязаны? – вновь улыбнулся фон Корф.

– Допустим, – сухо откликнулся Несвицкий.

– Допустим... – согласился кавторанг. – Тогда можно допустить и другое: ваше начальство весьма заинтересовано услышать отчет – пусть даже краткий и весьма неполный – о мерах, предпринятых Управлением РК космофлота по хултианскому направлению?

– Допустим и это.

– Ну тогда слушайте...

Кое-что из сообщенного бароном вслед за тем Несвицкий знал и ранее. Например, тот факт, что язык, на котором общаются меж собой хултиане, прибывающие на имперские планеты Эридана, в корне отличается от того, что служит средством общения для аборигенов Мнаурха. Собственно говоря, хултиане никогда и не предлагали учить их языки: вэйэ ду, дескать, – все их представители более чем сносно владели русским. Однако лингвисты Корпуса (после долгой и кропотливой работы с многочасовыми аудиовидеозаписями разговоров гостей между собой) более или менее изучили их язык, и подготовили нескольких переводчиков... Увы, ни слова из разговоров жителей Мнаурха те переводчики, включенные в состав делегаций, не могли понять. И как теперь выяснилось, флотские специалисты независимо от коллег проделали ту же самую работу.

– Не исключено, что язык, на котором говорят между собой хултианские офицеры и дипломаты, – это их вариант нашего французского, – высказал полковник предположение, в которое сам не верил. – Чужой, не родной язык, используемый для общения представителями высшего класса. Или же некий эквивалент наших мертвых, но все же употребляемых языков: латыни, которой пользуются юристы и медики, либо английского, без которого программные инженеры едва ли поймут друг друга.

– Почему тогда на нем никто не говорит на Мнаурхе? – парировал фон Корф. – Там ведь живут и представители высших сословий, и врачи с инженерами.

Несвицкий пожал плечами. Он хотел услышать информацию от барона, но отнюдь не желал делиться наработками Отдельного корпуса по хултианской проблеме.

Не дождавшись ответа на свой вопрос, капитан второго ранга продолжил:

– И французский, и латынь, и английский некогда были живыми языками. Наши же специалисты пришли почти к единодушному мнению: хултианский язык изначально мертвый. Вернее, искусственный.

– Кажется, нечто схожее было и на Земле, как же он назывался... – Несвицкий порылся в памяти, но так и не вспомнил название.

– Эсперанто, – подсказал фон Корф.

– Вот-вот... Но отчего вы решили, Николай Оттович, что хултиане общаются на аналоге эсперанто?

– Ну... Я не филолог... Но специалисты утверждают: любой живой язык, или бывший некогда таковым, несет в себе массу исключений из правил. Неправильные глаголы, например, спрягаются иначе, чем остальные. У так называемого хултианского этих неправильностей не наблюдается.

Полковник согласно кивнул, вспомнив, сколько неприятностей доставляла в свое время в кадетском корпусе зубрежка неправильных французских глаголов... Но затем усомнился:

– Хултиане, они такие... – Несвицкий на секунду замялся, подбирая наиболее точное определение, – ...педантичные, что вполне могли провести кардинальную реформу языка, ликвидировав все исключения.

– Могли... – не стал спорить барон. – Я ведь говорил: мнение *почти* единодушное. Но кое-кто высказал те же соображения, что и вы, Михаил Александрович. Однако упомянутые соображения ни в коей мере не объясняют, отчего никто на Мнаурхе этот язык не употребляет. Логичнее было бы предположить, что представители высшего общества будут общаться на нем не только в гостях, но и у себя дома. Не так ли?

– Резонно, – согласился полковник. – Изучить аналогичным способом язык Мнаурха вы пробовали?

– Михаил Александрович... Мне кажется, вы знакомы с проблемой в достаточной степени. И должны представлять, с какими сложностями связано упомянутое изучение.

Несвицкий представлял. С эриданскими представителями принимавшие их хултиане на Мнаурхе общались на русском, а между собой, но в их присутствии, – все на том же языке, не то на мертвом, не то на искусственном. А разместить стационарную записывающую технику где-то вне стен посольства и двух представительств не представлялось возможным... Объем случайных фраз, записанных мобильной, на себе носимой аппаратурой, позволял сделать вывод: язык не тот. Но не позволял его изучить.

– Не предполагаете же вы, – сказал жандарм, – что искусственный язык создан ради нас? Единственно для того, чтобы нас дезинформировать?

Рапорт, в котором излагался именно такой вывод, отправил по инстанции коллега Несвицкого, занимавшийся хултианами, – штабс-ротмистр Панаев-четвертый. Назад рапорт вернулся, украшенный краткой, но емкой резолюцией: «Бред!», и размашистой подписью генерал-майора Григоровича...

Капитан второго ранга промолчал, сочтя вопрос риторическим. Или просто не пожелал делиться умозрительными предположениями. Несвицкий продолжил:

– К тому же, согласитесь, Николай Оттович, подозревать хултиан в каких-либо злоумышлениях трудно, – после той помощи, что они оказали в критический момент, когда вопрос стоял о самом существовании Империи.

– Оказали, – не стал спорить фон Корф. – Но, во-первых, не безвозмездно. Во-вторых, помощь предоставлена в достаточно ограниченном объеме: Империя устояла, но подавить мятеж одним сокрушительным ударом сейчас не способна... Нам грозит затяжная война, и нет уверенности, что в ходе ее наши противники – когда окажутся на грани окончательного поражения – тоже не получат помощь, и тоже весьма вовремя и весьма дозированную...

Допустим, от человекоподобной расы, встреченной разведывательными кораблями Союза где-то среди межзвездных просторов. Не стану утверждать, что гипотетические союзники мятежников будут разговаривать между собой на каком-либо искусственно созданном для того языке. Но исключить такую возможность не могу.

Вот оно и прозвучало, – то главное, ради чего затеян разговор.

Жандарм встал, сделал несколько шагов по каюте. Вновь опустился на стул. Произнес медленно, негромко:

– Если здесь и сейчас в самом деле беседуют Управление и Корпус, то Управление должно иметь очень веские резоны для последних ваших слов, Николай Оттович.

– Помилуйте, Михаил Александрович! Разве для интуитивных подозрений нужны резоны? Достаточно чувства смутной тревоги... И бездоказательных ощущений: что-то здесь не чисто. Я, напротив, очень надеюсь, что *веские резоны* были у вас. Когда вы сообщили мнаэрру Гнейи, – а значит, и всем хултианам, – новое местонахождение генохранилища. Должен признать, Управление РК недоценило вас, коллеги. Мы были уверены, что эта информация принадлежит исключительно нам. Иначе наш с вами разговор состоялся бы до военного совета.

Несвицкому показалось, что в каюте фон Корфа взорвалась граната. Невидимая, бесшумная, – но убившая наповал.

Про Елизавету-Умзалу, как про возможное местонахождение генохранилища, полковник сказал на совете с единственной целью: спровоцировать неизвестного противника на некие действия на планете... Действия, которые можно отследить. Но подобный результат провокационного заявления предвидеть было невозможно.

Несвицкий подозревал, что за лицом его наблюдают с разных ракурсов несколько замаскированных камер. И знал, что неподконтрольная разуму и воле микроимика наверняка отразила его крайнее изумление. Оставалось одно: изобразить дело так, будто вызвана та реакция совсем иными причинами.

– Удивительно... – недоуменно произнес жандарм. – Мы тоже пребывали в полной уверенности, что агенты Управления не предпринимали никаких действий в отношении Ново-Петербургского Портала.

– Мы и не предпринимали. Не стали терять время. У нас был очень хороший информатор, и возможность проверить его информацию из других источников. Мы заранее знали, что эвакуация через Портал – отвлекающая операция. Что контейнеры, вывезенные в ходе той операции, – пустышки. Зато флот все две недели битвы за Новый Петербург смотрел не только вперед, на врага, но и назад, и по сторонам... Назад даже внимательнее: где же вынырнет транспортник, ушедший в подпространство на орбите Петербурга? Мы не верили, что мятежники рискнут вывезти такое богатство в дальний космос, на неисследованные планеты. И не ошиблись.

Несвицкий понял, что спрашивать: где же вынырнул пресловутый транспортник? – не имело смысла. Здесь, возле Елизаветы. Логично, мятежники в тот момент считали Бету Эридана своим глубоким и надежным тылом... Теперь понятно, почему космофлот в ходе наступления неожиданно изменил направление главного удара – хотя, нет сомнений, перед Его Императорским Величеством были выдвинуты другие очень важные стратегические соображения... Понятны и намерения флотских: единолично выступить спасителями Отечества – одна, две, даже десять захваченных планет по важности не идут ни в какое сравнение с возвращенным генетическим запасом.

А потом, в самом начале наземной операции по освобождению Елизаветы, на борт «Святой Ольги» заявился Несвицкий и своим провокационным заявлением подставил под удар все великие планы флота. М-да, выдержка фон Корфа заслуживает высших похвал,

наверняка для него информация, озвученная полковником на совете, стала настоящим шоком.

– Мне кажется, нам стоит... – начал было барон, и не закончил.

Джамп-база ощутимо содрогнулась, бокалы на столе тихонько дзенькнули. Псевдосвечи на мгновение погасли и тут же зажглись снова. И на тот же краткий миг возникло ощущение невесомости, затем снова заработала искусственная гравитация.

Нападение из космоса? Диверсия? Или случайная авария?

По помещениям «Святой Ольги» покатился, нарастая, мерзкий завывающий звук сирены.

– Оставайтесь здесь, господин полковник! – Фон Корф выкрикнул эти слова на ходу. Вернее, на лету, – пересекая каюту одним длинным, лишь при ослабленной гравитации возможным прыжком.

Капитан второго ранга нырнул – в самом прямом смысле слова – в отверстие мембранного люка, не дожидаясь, пока он полностью откроется.

Полковник остался один. Вновь, как давеча на космоботе, охватило чувство бессильной тревоги, ощущение полной зависимости от внешних причин, воздействовать на которые нет ни малейшей возможности...

Минуты тянулись медленно, тягуче. Хотелось куда-то пойти, что-то сделать, чем-то помочь, но полковник хорошо понимал: при любой нештатной или боевой ситуации он, профессионал совсем в других вопросах, будет лишь мешать флотским, делающим свое дело...

Джамп-база вновь вздрогнула, и еще, и еще. Не столь сильно, как в первый раз, и освещение с гравитацией работали без перебоев.

Стартовали эскадрильи перехватчиков? Едва ли... Комар, взлетающий со спины у кита, не заставит того сбиться с ног... Или у китов ног нет? Полковник слабо разбирался в тонкостях анатомии древних, никогда не виданных животных, фигурирующих ныне лишь в идиомах и поговорках. Но едва ли громадина «Святой Ольги» отозвалась бы подобным возмущением на взлет боевых машин, крошечных в сравнении с ее размерами... Неужели ситуация потребовала боевого вылета корветов и фрегатов? Или сработали орудия главного калибра?

Похоже, не авария и не диверсия. Атака. И весьма опасная.

А если вспомнить приключения на пути сюда, на «Святую Ольгу», то...

То можно сделать вывод: фон Корф не лгал и не ошибался, говоря, что генохранилище здесь, на Елизавете-Умзале. Иначе трудно понять, зачем мятежники с таким бессмысленным упорством атакуют флот на околопланетной орбите...

База вновь содрогнулась. Несвицкий, повинуясь внезапному импульсу, одним глотком допил шампанское.

Мало ли что...

Не пропадать же добру.

Глава пятая. Работа в белых перчатках (продолжение)

1

Вот она какая, эрладийская жара... Дикая, непредставимая, сводящая с ума.

Яростное солнце жжет с небес, а из-под ног пышет жаром раскалившийся камень. Ни ветерочка, обжигающий воздух застыл неподвижно, но у каменистой поверхности его горячие струи поднимаются вверх и перемешиваются с чуть менее горячими, и над пустыней стоит зыбкое марево, как над кастрюлей с закипающим супом. И от того всё кажется размытым, смутным, зыбким... А может, глаз человека попросту не способен нормально функционировать на такой жаре.

Неудивительно, что товарищи, сосланные имперскими кровопийцами в этот ад, людьми не остались, превратились в мутантов. Тут и излучение никакое не нужно: когда день за днем, месяц за месяцем мучаешься, словно грешник в аду, выдуманном попами, – или сдохнешь, или мутируешь, приспособишься...

Олегу очень хотелось скинуть форму. Почему-то казалось, что тогда станет хоть чуть-чуть, но прохладнее. Умом он понимал: не поможет, температура воздуха выше, чем температура тела, причем значительно выше, и ткань, наоборот, помогает удерживать относительную, иллюзорную прохладу. А кожа, ничем ни прикрытая, тут же покроется пузырями солнечных ожогов... Но раздеться все же хотелось нестерпимо.

И пот, заливающий глаза, тоже хотелось отереть. Не мог ни того, ни другого, – руки связаны за спиной. Вернее, не связаны, а стянуты каким-то полупрозрачным тугим кольцом – ни узлов, ни каких-либо пряжек или защелок на нем не было видно. Разглядеть это украшение на своих запястьях Олег, естественно, не мог. Но впереди шагал комвзвода Стален, медленно шагал, прихрамывая, – и руки его были скованы точно так же.

...Привели их на то самое место, где не так давно стоял строй курсантов, слушая приговор Позару. Где прозвучали негромкие хлопки гауссовок, прикончивших изменника и паникера. Понятно, отчего именно сюда, – неподалеку громоздилась невысокая, разрушающаяся скала, но все-таки дающая хоть какую-то тень. Но Олегу все равно показалось: если сейчас имперцы их здесь расстреляют, это судьба. Воздаяние. Революционному курсанту верить в такие вещи не полагается, но военнопленному, наверное, можно...

У скалы, в тени, застыл танк – антиграв отключен, стоит на гусеницах. Неподалеку – бронеглайдер, ствол лазерной установки направлен на кучку из полутора десятков пленных, сгрудившуюся на солнцепеке, люки десантного отсека распахнуты, десантники все снаружи. Свои защитные костюмы они уже скинули, и видно, что форма под ними у имперцев летняя, белая, отражающая максимум света... Олег с вялым любопытством всмотрелся в шевроны: не то моторизованные егеря, не то гранадеры... Отчего-то картинки из брошюры «Как распознать врага?» не шли на ум, хотя в свое время выучил их назубок и сдал зачет на «отлично».

Его болезненно тыкнули в спину чем-то жестким (прикладом?), подтолкнули к остальным пленным. Почти бессонная ночь напомнила о себе: нестерпимо хотелось лечь, вытянуться, закрыть глаза... Ни о чем не думать... Заснуть... Но проще и безболезненней было бы вздремнуть на раскаленной сковородке – камень ощутимо припекал сквозь толстые подошвы армейских ботинок. Да и конвоиры не позволяли даже присесть на корточки.

Неподалеку стоял еще один имперский танк, на вид целый и невредимый, но лишь на вид: десантники возились у люков, извлекая трупы танкистов.

Олег понял, что боевая машина угодила под удар «нюшки», но никаких эмоций от этого понимания не ощутил, ничего даже отдаленно похожего на то дикое ликование, охватившее

его в бою, когда Жега-взводный поджарил точно такой же танк. Страх тоже не было. Ничего не было, лишь тупое сонное равнодушие...

А затем он увидел, как оттуда, где имперцы складывали в тенечке своих мертвецов, к пленным шагает человек. Также в белой форме, но фасон рубашки с короткими рукавами несколько иной; на плечах – офицерские погоны. Следом шагал другой, тоже с офицерскими погонами, говорил что-то, возбужденно жестикулировал, но первый офицер, казалось, не слышал.

Подошел поближе, и Олег смог разглядеть его лицо, застывшее в судорожной гримасе, бешено сверкавшие глаза. Увидел шевроны бронетанковых войск и погоны ротмистра. И пистолет в опущенной руке. Шагал танкист прямоком к пленным – деловито, целеустремленно. Олег вдруг понял: ротмистр идет их убивать. Из этого самого пистолета. Сейчас подойдет, и... Без трибунала, даже такого формального, какой состоялся здесь на рассвете. Выстрел – труп, выстрел – труп...

Уже можно было слышать слова второго офицера, капитана не то гренадер, не то мотоегерей, Олег так и не вспомнил, что означает эмблема в виде факела, скрещенного с мечом...

– Павел Николаевич, приказ генерала...

Ротмистр сбавил шаг, резко обернулся. Смахнул руку капитана со своего рукава. Произнес странным, полузадушенным каким-то голосом:

– Генерал ваш со мной под одной шинелью не спал... И в танке со мной не горел... И на Владиславу не десантировался... А у Анатоля семнадцать боевых операций на счету было, четыре высадки, два ранения... И Маша, невеста, дома осталась, второй год ждет, в отпуске обвенчаться собирались... Ты к ней пойдешь и расскажешь? Ты?! Что жениха ее, как гуся рождественского, зажарили?!

Не то егерь, не то гренадер испуганно шагнул назад, потому что свои риторические вопросы ротмистр подкреплял энергичными жестами руки, – той, что сжимала пистолет. И ствол дергающегося оружия был направлен прямо на собеседника.

Капитан бросил быстрый взгляд на пленных и еще раз попытался переубедить танкиста, но теперь ни одного слова Олег не понял, язык оказался незнакомым... Ротмистр перебил, рывкнув два слова, тоже на непонятном языке, и демонстративно отвернулся. Спросил у конвоиров, уже на русском:

– Которого с «помелом» взяли?

Олег сначала не понял, но потом, когда конвоиры вытолкнули из строя Сталена, догадался: так, наверное, имперцы на свой манер именуют «нюшку»...

Пистолет – небольшой, с коротким, словно бы обрубленным стволом, – медленно поднялся и устоялся черным зрачком дула прямо в переносицу Сталена. Комвзвода держался, как и положено комсомольцу и командиру: на колени не вставал, пощаду не вымаливал... Но глаза все же закрыл.

Олег понял, что ротмистр не пугает, что сейчас грохнет выстрел и взводного не станет; хотел отвести взгляд, но не смог... И увидел, как оружие столь же медленно опускается.

– Не будет тебе легкой смерти, крысеныш... – прошипел ротмистр.

И что-то быстро сказал в маленькую коробочку радиации, висевшую на груди, слов команды Олег не разобрал. Башня танка – естественно, не подбитого, другого – пришла в движение. Пушка поворачивалась в сторону пленных и опускалась.

Олег похолодел. Почувствовал самый настоящий озноб, хотя только что обливался потом. Снарядом? На таком расстоянии? Олег не знал, способен ли сработать взрыватель ОВС на предельно короткой дистанции... Но ротмистр, очевидно, понимал, что делает... Но ведь сгорит не один лишь Стален – все в радиусе сотни метров, все, кто не укроется под броней, превратятся в обугленные трупы, скорчившиеся в позе эмбриона...

Имперцы, однако, вернуться в бронемашину не спешили. Ротмистр тыкал своим оружием в курсантов: этот, этот, этот... Конвоиры выволакивали указанных из кучки пленных, толкали к Сталену.

Курносый ствол пистолета указал на Олега. Жесткие пальцы вцепились в его плечо, потянули. Он почувствовал, как ватно обмякли ноги, как противно похолодело внизу живота. В ушах стоял гул, все звуки стали доноситься искаженно, словно через толстый слой ваты.

– Хорош, ваше благородие! Перебор! Не уместятся все! – крикнул подходивший фельдфебель-танкист, тащивший за чем-то бухту толстого черного провода.

Ротмистр махнул конвоиру, и Олег остался на месте.

«Куда не поместятся? Что они задумали?» – недоумевал он. Выяснилось всё очень скоро...

...Восемь человек расставили в плотную шеренгу. Не абы как, строго по росту, – и высокий Стален стоял правофланговым. У каждого на шее – петля из провода, другой конец привязан к длинному стволу танковой пушки.

Ротмистр сделал знак, и ствол пополз вверх, – медленно, едва заметно глазу. Слабина провода постепенно выбиралась, петли затягивались, тянули курсантов вверх. Они уже стояли на носках, пытаясь отдалить, отсрочить неминуемое.

Новый жест ротмистра остановил движение пушки. «Неужели всего лишь пугал?» – с надеждой подумал Олег.

Конвоиры подтолкнули их поближе к месту экзекуции.

– Смотрите! Нюхайте! – скрежетал ротмистр.

Олег в самом деле почуял отвратительный запах. Кто-то из подвешенных обделался. А может, и все разом. У него самого внизу живота ощущались сильные позывы...

Одному из курсантов, невысокому рыжеволосому пареньку, не повезло – под ногами оказалась небольшая ямка, выбоинка в каменистой почве. И он, как ни старался, не мог ни на что опереться... Хрипел, задыхался, тело извивалось, словно рыбина, повисшая на леске. Олег не мог вспомнить, как его зовут, покрасневшее искаженное лицо было испачкано копотью, однако казалось смутно знакомым. Но не из их взвода, точно.

– Вот так подышают крысы! В дерьме! – Ротмистр махнул рукой, пушка вновь поползла вверх.

Олег попытался отвернуться, но его больно ткнули стволом в ребра, конвоир рявкнул:

– Смотреть! Смотреть, гнида!

Он смотрел... Смотрел на долгую, тягостную агонию. Смотрел, пока не стало ясно: едва заметные движения казненных – не их последние судороги, но всего лишь оптический эффект, преломление лучей в раскаленном воздухе.

Пушка опустилась совсем низко, чуть ли не ткнувшись в землю дульным тормозом. Не то егеря, не то гренадеры вынимали тела из петель. Но сами петли не отвязали от ствола...

НЕ ОТВЯЗАЛИ!

Олегу хотелось заорать, когда он понял, что это значит. Но крик не вырвался из спекшихся, потрескавшихся губ, – казалось, что глотку уже стиснул толстый черный провод.

Их осталось семеро – и отбирать кандидатов на казнь теперь не было нужды.

– Не бойсь, коммуняка, – сказал фельдфебель, затягивая петлю на шее Олега. – Все там будем, кто пораньше, кто чуток позже...

«Это все не со мной, не со мной...» – в такт оглушительному пульсу стучала мысль в голове у Олега.

Не с ним... Сейчас он проснется, откроет глаза в идущем на посадку десантном глайдере, а еще лучше – на жесткой койке в их курсантской казарме, от оглушительного вопля дневального: «Рота, подъем!!!» Как же он раньше ненавидел этот вопль... И до чего же хотел сейчас его услышать...

Но вместо этого услышал негромкое жужжание механизма, приводившего пушку в движение.

Кто-то рядом закричал – истошно, без слов, на одной высокой ноте. Олег молчал. Крепко зажмурился и втянул воздух, много-много, полную грудь. Ведь чудеса случаются... Иногда, очень редко, не со всеми, но все же случаются... Так почему бы не случиться одному малюсенькому чуду здесь и сейчас? С ним, с Олегом? Многого он не просит, самое простенькое чудо, – оборвавшийся провод, например... Ведь если при казни обрывается веревка, второй раз вешать вроде бы не полагается?..

Провод надавил на кадык, и давил все сильнее, Олег приподнялся на носки, и тут...

И тут случилось чудо.

– Отставить! – прозвучала громкая команда.

2

Как выяснилось при первом же взгляде на таймер, Юлена умудрилась проспять более двух суток.

И проснулась с чувством дикого голода – настолько дикого и свирепого, что все прочие чувства и мысли, более цивилизованные и благовоспитанные, в испуге попрятались.

А по дому плыл восхитительный аромат жареного мяса – и доплыл до Юлиной комнаты, и коснулся ноздрей просыпающейся девушки. Мама готовила на кухне... Мамы, даже если это порой не так заметно, всегда знают, что происходит с их дочерьми.

Юлена вскочила, накинула халатик, сунула ноги в домашние шлепанцы. Взглянула на многочисленные царапины и ссадины, покрывавшие ступни, икры, лодыжки, – засохшие, начавшие заживать, зудели они изрядно. Вздохнула: вроде и на войне побывала... ну почти на войне... а раны какие-то несерьезные. Представила, как романтично она бы выглядела с забинтованной головой или с рукой на перевязи, с каким уважением поглядывали бы на нее парни Морозовки. Тут же мысленно одернула себя: война, а ей мысли про парней в голову лезут, от Доньки заразилась, не иначе. Эх, Донька, Донька...

И тут голод, ненадолго отвлекшийся, запустил в нее зубы с удвоенной силой. Юлена поспешила на кухню. Обоняние ее не подвело – мама и в самом деле жарила отбивные из свиноруха – полная сковородка нежного, шипящего, поджарившегося мяса...

– Что делать собираешься, Юленька? – осторожно спросила мама несколько позже, когда голод уже успел обратиться в позорное бегство.

Юля ответила не сразу – дожевала и проглотила очередную отбивную.

– В крайком пойду, мама. Портал разбомбили, так и здесь найдется, чем заняться. Не дома же сидеть, когда...

Она замолчала, не договорив, – очень уж странное выражение появилось на лице у мамы.

– Нет крайкома, Юлечка...

– Тоже разбомбили?

– Собор там теперь... Вчера колокола подвешивали. И сразу же молебен о победе над мятежниками.

Юля с запозданием сообразила, что она услышала. Вилка выскользнула из разжавшихся пальцев, звякнула об пол. Значит, то был не единичный десант... Вторжение. Оккупация. Как на Марэлене, который имперцы именуют Новым Петербургом.

– Когда? – спросила Юлена глухо. – Когда они пришли?

– В тот же день, как вы с Доней уехали. Ближе к вечеру...

– Бои были?

– Не знаю... Как воздушную тревогу сыграли, мы с отцом в погреб... Грохотало что-то, взрывалось, но далеко... Наверное, просто шахты взрывали заминированные. Первомайка точно взорвана. И наша Морозовка...

Отец Юлены работал проходчиком на шахте имени Морозова, и она спросила удивленно:

– А где же папка? Я думала, он на работе...

– На работе. Приказ по визору крутят вторые сутки: всем с утра на рабочие места. Добычу восстановить затевают... Хочешь, включи, послушай, – кивнула мама на плоский экран.

– Вот еще... А фронт где сейчас?

– Кто ж нам расскажет... По визору один канал работает, только приказы комендатуры и крутят... Связи нет никакой, даже Марьяше не позвонить, не узнать, как там у них...

Мама часто по привычке называла свою старшую сестру Марьяшей, и Юля поправила ее столь же привычно и машинально:

– Не Марьяше, Марлене... А скажи, кто...

– Нет, Юленька, – перебила мама с неожиданной твердостью. – Марьяше. Не Марлене.

И ты теперь Юлия.

– Мама...

– Да. Запретили новые имена, как скрытую форму агитации.

Юля вдруг засмеялась. Мама посмотрела удивленно – очень уж злым, неприятным был тот смех.

– Пусть тогда и небо наше попробуют перекрасить! – объяснила Юлена, не желающая быть Юлией. – Красное ведь, революционное! Ой, а что это...

Она вдруг поняла, что уже какое-то время слышит некий звук, доносящийся снаружи, с улицы. Ухо уже привыкло к отсутствию привычного рабочего шума с шахт, с обогатительного комбината. Но этот звук ничем не напоминал те, прежние...

– Колокола звонят на соборе, – объяснила мама.

– На крайкоме, – поправила Юля твердо. – Пускай звонят. Придет время – снимем. Ладно, пойду я, мама... Спасибо, давно не ела такой вкуснятины!

– Куда пойдешь? Зачем? – Комплимент своим кулинарным талантам мама пропустила мимо ушей.

– Ребят наших поищу, кто в Морозовке остался...

Она не врала. Сказала чистую правду. Но далеко не всю правду.

– Юленька... Может, не надо... Владик ведь... и Боря... И о младших ни слуху, ни духу... Одна ты со мной осталась...

Юлена была шестым ребенком в семье. И при этом единственной дочерью. Владлен, старший из братьев, пошел по стопам отца, работал на Морозовке – и погиб пять лет назад при взрыве рудничного газа. Бозадр, родившийся на год позже, закончил военное училище, служил в космолоте, когда приезжал в отпуск, морозовские девчата млели от его темно-синей парадной формы, от длинного кортика, от мужественного лица с маленьким шрамом на скуле... Юлена гордилась братом. Неделю назад на него пришла похоронка. Трех младших призвали в первый день войны, когда у военкоматов выстроились длинные очереди добровольцев и военнообязанных. Призвали – и всё. Ни письма, ни какой-либо иной весточки...

– Так надо, мама.

Юлена встала, пошла к двери, – не поворачиваясь к матери, стараясь не встретиться с ней взглядом. Выходя, все же обернулась. Повторила тихо-тихо:

– Так надо, мама...

...На улице было пустынно. Колокольный звон плыл над притихшим, безлюдным Красногальском, – и казался мрачным, унылым, невероятно зловещим... Юлена прошла

мимо нескольких однотипных домиков, никого не встретив. Задумалась, куда направиться: заскочить домой к друзьям и подругам, или сразу двинуться к общежитию профучилища – там жили многие знакомые девчата и парни.

В палисаднике возле дома Донары она увидела знакомую фигуру – дедушка подруги, которого вся окрестная ребятня называла дядей Седей (как считала когда-то маленькая Юлечка – за цвет шевелюры). Седой, морщинистый, он как магнитом притягивал к себе несовершеннолетних обитателей Морозовки: дарил им забавные, удивительные игрушки, самолично вырезанные из дерева, рассказывал смешные истории, которых знал великое множество...

И Юлена в детстве была в числе льнущих к старику ребяташек. Но сейчас сбавила шаг... Как, какими словами рассказать, что произошло с Донькой? Да и не знает она толком, что произошло. А вдруг... Вдруг Донара тоже спаслась, тоже выбралась из облавы и сейчас дома?

– Ревпривет, дядя Седя! – поздоровалась она осторожно.

И изумилась. Старик глянул на нее злобно, исподлобья, и лицо у него стало неприязненное, никакого сравнения с тем дядей Седей, которого она знала много лет.

– Не дядя я тебе. И не Седя! Не Седя, поняла?! – сказал, как в лицо плюнул. Тут же отвернулся, но не замолчал.

– Дождался... Дождался... – негромко говорил он явно не Юлене, сам себе, и слезы катились по морщинистому лицу. – Снова теперь Тихон Аверьянович, а не Седикрас проклятый... У меня ж двух братьев стрелки эти красные к стенке поставили, и как раз из седьмой дивизии были... А мне, значит, как печать каинову на лоб: Седикрасом живи! Но дождался, дождался, кончилась власть антихристов... Слава тебе, Господи наш, Иисусе Христе, во веки веков...

Колокольный звон звучал все громче, а может, так лишь казалось Юлене... Старик размашисто перекрестился, повернувшись в сторону крайкома. Или все же собора? Наверняка старый двурушник всё время считал здание храмом, а себя Тихоном...

«Тихон... Тихий... Тихоня... Кем он мог вырасти, получив такое имя? Подстилкой, ковриком, о который вытирали ноги прежние хозяева жизни», – подумала Юлена. Или Юная Ленинка, если полностью, развернуто произнести ее имя. Но теперь его открыто, вслух, – лучше не произносить...

А мама? А как же мама? Неужели и для нее дочь была все семнадцать лет не Юленой, а Юлией?

3

В трюме десантного глайдера царили темнота, теснота и вонь. Причем в этом царственном триумвирате вонь занимала лидирующее место с большим отрывом. Воняли немытые тела, воняла грязная и пропитанная потом униформа, воняли грязные и пропитанные побуревшей кровью бинты... Тех пленников, что угодили сюда первыми, на opravку за несколько часов ни разу не вывели, – и последствия сего факта воздух тоже отнюдь не озонировали. Воняло так, что возникали вполне обоснованные подозрения: кое-кто из пленных успел умереть и сейчас стремительно разлагается...

Олег понимал: едва ли среди тесно уложенных тел есть мертвецы, всех тяжело раненых сразу после боя имперцы отделили и куда-то отправили. Понимал, но дышать старался исключительно ртом.

Впрочем, ему-то грех жаловаться... После того, как тебя вынимают из петли за считанные секунды до смерти от удушья, очень хорошо осознаешь: самый зловонный воздух лучше, чем никакой.

...Когда Олег – задыхавшийся, почти уже не касавшийся ногами земли, – услышал громкую команду: «Оставить!», он поневоле распахнул глаза. И увидел еще одного подошедшего офицера. В отличие от танкистов и егерей-гранадеров тот с ног до головы был в черном: начищенные, сверкающие на солнце черные сапоги, черный мундир, черная фуражка – кокарда на ней сияла ослепительным блеском и изображала оскаленную собачью голову. Значение этой эмблемы Олег помнил хорошо: «Стальные псы», полевые части Корпуса жандармов. Самые страшные палачи среди имперцев... Умзар, прежний их комвзвода, не раз говорил: «Много на войне вещей есть, что и врагу не пожелаешь, но на любую из них соглашайтесь, лишь бы с собаками теми железными не встретиться...» И вот довелось встретиться... После первого и последнего боя. «Опустить пушку», – скомандовал Пес уверенно, словно бы и не замечая взбешенного, налившегося кровью ротмистра, до сих пор стискивавшего пистолет. И пушка поползла вниз, давление на глотку ослабло... А ротмистр молчал. Злобно мерялся с черным взглядами, но молчал... Что между ними произошло потом, Олег не знал: когда с шеи снимали петлю, всё вокруг стало красным, не только нависшее над головой небо, – и камни, и белый мундир танкиста, и черный мундир жандарма... Стало красным и исчезло.

Очнулся Олег только здесь, в вонючем до невозможности трюме десантного глайдера. Все повторялось, как в дурном сне: снова он лежал у самого борта, чуть не уткнувшись в него носом, а глайдер куда-то летел... Но теперь не горел свет, не было оружия, шлема и вещмешка. Не было ничего, лишь темнота и неизвестность. И жуткая вонь в придачу...

А потом кое-что появилось. Небольшое, острое... Появилось и тут же больно укололо запястье Олега.

Он зашипел от боли. И спросил срывающимся шепотом:

– Ты чего? – шептал машинально, и без того сообразив: лежащий рядом сосед пытается что-то сотворить с путами, до сих пор стягивающими запястья Олега.

Ответ прозвучал не сразу, и слова донеслись тихие и невнятные:

– Спокойно лежи, руками не дергай...

Он не дергал... За спиной продолжалась работа, время от времени острый кончик непонятно какого инструмента ранил кожу, но Олег старался не шевелить руками. Хотя не понимал, в чем смысл усилий: когда их погонят из трюма, конвоиры сразу увидят, что у одного или у нескольких пленников руки свободны... Попытаться разоружить охрану? Нет уж, тут не стереомультик про Владлена Октябрёва... К тому же казалось, что работа над его оковами длится долго, очень долго, а результат – ноль.

– Рви! – так же невнятно приказал голос за спиной.

Олег напряг мышцы. Никакого эффекта... Напряг еще раз, изо всех сил, до хруста в костях, – бац! – освободившиеся руки ударили в разные стороны. Одна угодила в пол, другая во что-то мягкое, – судя по приглушенному мату, прямоком в лицо человеку, освободившему Олега.

Он заворочался, тяжело и неуклюже. С трудом перевернулся на другой бок.

– Бери! – Что-то острое и невидимое снова ткнулось в него, на сей раз в грудь.

Олег слепо зашарил в темноте, сначала нащупал чужое лицо – скулу, нос – потом пальцы наткнулись на небольшой предмет, зажатый в зубах невидимого человека.

Взял, попытался понять, что оказалось в руках... Какой-то инструмент... Маленький напильничек, или надфиль.

А то даже и пилка для ногтей – видел такие в исторических фильмах, почему-то там старорежимные модницы обязательно курили папироски через длинные-длинные мунштуки и полировали при этом ногти такими вот изящными инструментиками... Хотя едва ли все-таки пилка, не летают, наверное, имперские барыни в темных и вонючих трюмах.

– Режь быстрее! – нетерпеливо скомандовал непроглядный мрак. Человек, освободивший Олега, перевернулся и подставлял теперь свои руки.

– Товарищи, а нас-то? Развяжите? – послышался из темноты другой голос.

– Развяжем! Всех, кого успеем! – пообещал первый невидимка.

«Зачем? В чем смысл?» – хотел спросить Олег и не спросил. Нет тут никакого смысла... Обшивку борта этакой фитюлькой все равно не проковырять. Да и удалось бы каким-то чудом, – и что дальше? Сигануть вниз без гравшюта?

Но вслух свои сомнения он не высказывал, торопливо работал не то пилкой, не то надфилем. Пластиковые оковы поддались быстрее тех, что сковывали до недавнего времени запястья Олега. Все-таки пальцы куда лучше зубов управляются с инструментами...

– Уф... – сказал человек, стряхнув развалившееся кольцо. – Ну теперь повоюем...

– Товарищи! – требовательно напомнила о себе темнота. И пришлось нащупывать и резать еще одни пути...

Затем пилка перекочевала к вновь освобожденному, а Олег все-таки спросил у того, первого:

– И что теперь? Как выбираться?

– Увидишь. Главное – с глайдеру вылезти... Не шас, позже, перед самой посадкой. Когда скорость он погасит и над самой землей на антиграве поползет. А ежели не успеем и приземлится, – всё тогда, каюк, не уйти. Небось не дураки там встречают, оцепят так, что и мышь не проскочит.

– Да как же ты вылезешь?! – спросил из темноты сиплый голос. – Стену башкой продолбаешь?

– Есть тут лазейка... Я сам-то с этой лайбы, бортмеханик.

– Так глайдер наш, что ли? – удивился Олег. – Захваченный?

– Ну так... Имперские токо номера да красные звезды замазали, да тут же в дело лоханку и пустили.

Вот оно что... Олег особо не приглядывался, в какую машину их грузят, но эмблему имперского космофлота на борту разглядел хорошо, и даже немного обрадовался – про вражескую флотскую контрразведку не рассказывают таких ужасов, как про «стальных псов».

Бортмеханик легонько ткнул в плечо Олега, спросил:

– Как зовут-то?

– Олег.

– Старорежимное вроде бы имечко... – изменившимся тоном произнес невидимый бортмеханик. – Из лишенцев, что ли?

– Какое еще старорежимное? – возмутился Олег. – Октябрь – Ленин – Галактика, понял?!

– А-а-а... Тогда другое дело... А я Дагар, стало быть. Ну вот и познакомились. Жаль, обмыть это дело нечем...

После небольшой паузы бортмеханик изменил тон:

– Подымайся, на корточки садись... Место нужно свободное, тут, у борту. – Он повысил голос. – И вы, кто может, подымайтесь! Освобождайте место, стало быть!

...Дагар возился у бортовой обшивки, негромко позвякивая металлом о металл, – надо полагать, сумел сохранить еще какой-то инструмент в кармане. Что именно он делал, Олег не мог разглядеть во мраке. Но надежда появилась, и немалая. О механиках парка боевых и транспортных машин, приписанного к училищу, ходили легенды, – об их изобретательности и ловкости, особенно в вопросах, касающихся выпивки... Чего стоила одна лишь эпическая сага о самогонном аппарате, созданном на базе охладителя штурмового гаус-орудия (причем охладитель вполне исправно продолжал выполнять и прямые свои функции). Да и вообще, чтобы заставить старую, чиненую-латаную технику, отслужившую свой срок в

войсках, без сбоев ездить, летать и стрелять, надо быть если не техническими гениями, то уж точно мастерами на все руки.

– Старая лайба, обшивка тут малёха того, на соплях висит... – приговаривал бортмеханик, продолжая свои манипуляции. – А мы щас те сопельки отковыряем...

И тут все надежды рухнули. Со свистом. Так, что внизу живота похолодело от неприятного чувства невесомости...

Нет, на самом то деле не рухнуло ничего, – просто глайдер резко пошел на снижение. Хотя свист действительно имел место, издавала его щель, появившаяся трудами Дагар в месте крепления обшивки к шпангоуту. Не рухнуло ничего... Но надежды не стало.

Бортмеханик в сердцах ругнулся:

– Мать моя революция... Чуток ведь совсем не поспел!

Из темноты послышались голоса, разочарованные и злые.

– Ша, братва! – перекрыл всех Дагар. – Слушай сюда! Как щас антиграв замявкает, – так на стенку валимся, всем скопом! Выдавим, не устоит! Куда, мудрила?! Рано! В лепеху расшибешься! А щас тихо! Слушаем!

Снизившийся глайдер сбрасывал скорость, и вскоре антиграв «замявкал» – издаваемые им звуки действительно напоминали негромкое кошачье мяуканье.

– ДА-Ё-О-О-О-ШЬ!!! – истошно завопил бортмеханик.

Олег уперся плечом в обшивку, надавил. Другие навалились на него, притиснули к борту, сильно, до хруста в костях.

– Й-Ё-Ё-Ё-Ё-Ё... – вопил над ухом Дагар. Сзади еще кто-то что-то орал, слов не разобрать...

И обшивка подалась!

Поползла сначала медленно, почти незаметно, со скрежетом, словно открывающаяся дверь, петли которой намертво приржавели.

Затем «дверь» – быстро, рывком – распахнулась. Люди посыпались наружу.

Падать пришлось с высоты в пару метров. Не страшно, если имеешь возможность подготовиться, сгруппироваться, амортизировать ногами удар... Олег же рухнул вниз, как куль с песком, – только и успел выставить руки, прикрыть лицо от удара о бетон взлетно-посадочной полосы.

Сверху рухнул кто-то еще, больно врезав между лопатками, – не то коленом, не то головой, Олег не разобрал. Остальные, слава революции, падали дальше, по ходу движения глайдера – ни дать, ни взять горошины, посыпавшиеся из прохудившегося мешка на дорогу.

Вокруг была ночь, или самое раннее утро, – темноту рассеивали две редкие цепочки фонарей, протянувшиеся по краям ВПП, впереди, в полукилометре, виднелась группа скудно освещенных строений. «Хорошо, что не день», – мелькнула мысль у Олега. На ярком солнечном свете после кромешной тьмы трюма он бы просто-напросто ослеп...

Пилоты глайдера заметили побег. Машина пролетела еще сотню метров и развернулась в крутом вираже, устремилась обратно.

Олег к тому времени соскочил с взлетной полосы и тут же залег рядом с ней. С большим трудом поборол желание нестись в темноту сломя голову, не разбирая дороги. Присмотрелся и понял: слева, почти вдоль самой ВПП, висится густое проволочное ограждение. Справа – ровное открытое пространство, но насколько далеко оно тянется, в темноте не разглядеть.

Именно туда, направо, побежали остальные беглецы. Вернее, кое-кто бежал, а кое-кто нелепо ковылял со стянутыми за спиной руками, – этим, не успевшим освободиться от пут, наверняка досталось при падении больше других.

Олег же быстро пополз к колючей проволоке. Яснее ясного, что они внутри периметра какой-то военной базы, захваченной имперцами. И беглецов переловят, как мечущихся

по загону баранов. Единственный крохотный шанс – уйти в одиночку, сполна использовав время, которое потратят имперцы на охоту за остальными...

За спиной стреляли – короткими, скупыми очередями. Наверное, экипаж десантного глайдера... Откинули колпак и пустили в ход личное стрелковое. Оборачиваться и проверять свою догадку Олег не стал, каждая секунда на счету...

Проволока оказалась старая, ржавая, но голыми руками все равно не порвать... Однако за последний год Олег сталкивался с самыми разными препятствиями, отделяющими курсанта от возможности совершить вылазку в город, не санкционированную начальством. И неплохо научился преодолевать те препятствия...

Расчет оказался точным: прополз вдоль заграждения пару-тройку метров и обнаружил небольшую ямку, достаточную, чтобы протиснуться под колючкой. Вообще-то такие неровности рельефа, способные послужить лазейками, полагается заливать пенобетоном, но... Но работу эту выполняют солдаты, тоже бегающие в самоволку. И особо не перетруждаются.

Олег ужом просочился под проволокой, чувствуя, как шипы раздирают на спине форму, царапают тело... Нет, эту ямку явно никто еще в аналогичных целях не использовал...

Кое-как протиснулся, бросил быстрый взгляд назад. Стрельба там стала гуще, к глайдеру присоединились и включились в охоту еще три или четыре наземных машины, их прожектора раздирали темноту колоннами слепящего света.

Хотелось вскочить на ноги, побежать, – Олег сдержался. Быстро пополз в прежнем направлении... Раз его не заметили сразу, глупо впадать в панику и подставляться под прожектора и пули.

Как выяснилось, он ошибался, – его все-таки заметили. И выяснилось это очень скоро.

Одна из машин отделилась от остальных, вернулась к тому месту, где выпрыгивали беглецы. Подкатила к самой колючке, светила прожектором – как раз в сторону затаившегося Олега. Он уже не полз – лежал, плотно-плотно втиснувшись в траву. Огромное пятно ядовито-белого света напозло, осветило все вокруг, можно было разглядеть каждую травинку. Источник света располагался невысоко, и мельчайшие неровности почвы давали тени – черные, очень вытянутые, Олег надеялся, что они замаскируют, спрячут, спасут...

Световое пятно прекратило свое медленное движение. Загрохотал усиленный мегафоном голос:

– Поднимайся! Руки за голову!

Олег прикусил губу, больно, до крови. И лежал, не шевелясь. Ему показалось, что лежит он все-таки не в самом центре высвеченного пятна, – ближе к краю. Может, имперцы берут на испуг? Лишь делают вид, что заметили его?

– Вставай, говорю! Пристрелим ведь! – в голосе появились нетерпеливые нотки.

Олег лежал. Накатило странное какое-то равнодушие к собственной дальнейшей судьбе. Пристрелят? Пусть! Разрежут проволоку, подъедут, поднимут пинками и снова скрутят руки? Пусть... Пусть делают, что хотят. А он не шевельнется.

Кажется, мегафон прогрохотал что-то еще... Олег отключился, не вслушивался. Внимательно разглядывал оказавшуюся перед носом метелочку остролиста, зачем-то начал считать крохотные, прижатые к стеблю соцветия. Чет или нечет? Жить или умереть?

До конца сосчитать не успел. Пятно света рывком сдвинулось – теперь прожектор светил далеко вперед: вправо-влево, вправо-влево...

Слышались голоса, другие, негромкие, – похоже, имперцы не отключили свой мотюгальник, но говорили не в его микрофон, а между собой. Один кусочек фразы Олег расслышал: «...точно, один сюда...», – и понял, что ничего не закончилось. Патовая ситуация – они не видят его, он не может пошевелиться – долго не продержится. Обязательно должна быть у охраны базы техника, обнаруживающая людей, для которой темнота не помеха. И ее наверняка подвезут, лишь только покончат с остальными беглецами.

Выстрелы грянули неожиданно – длинная очередь из чего-то крупнокалиберного. Прожектор светил в сторону, и Олег понял: стреляют не в него. Быстро взглянул в освещенный сектор, успел заметить в отдалении еще один ряд колючки и темную фигуру рядом с ним – падающую с нелепо раскинутыми руками...

И все закончилось. Прожектор погас. Машина взревела мотором, развернулась и быстро покатила туда, где до сих пор раздавались выстрелы.

Вот как... Значит, кто-то из беглецов совершил тот же маневр, что и Олег. И получил предназначенную Олегу пулю. Может, еще жив? Но наверняка тяжело ранен – падал тяжело, мертво, живые залегают совсем не так...

Олег понимал, что вытащить отсюда раненого не сможет, далеко с такой ношей не убежать, не уползти... Но отчего-то быстрыми перебежками двигался туда, где упал спасший его человек.

Легко мог промахнуться в темноте, направление запомнил лишь приблизительно. Однако повезло – споткнулся о лежащее тело. «Или не повезло?» – мелькнула нехорошая мыслишка.

– Жив? – спросил Олег негромко.

Молчание. Он наклонился, пощупал... Что за чертовщина... Зимняя шинель, разодранная пулями, а под ней...

Он засмеялся – тихо, почти беззвучно.

Спас его не человек... Чучело. Пугало. Такие же подобию людей, облаченные с старую списанную форму, стояли и вокруг взлетно-посадочной полосы их полигона, отпугивали воргалов: эти четырехкрылые создания летают большими стаями, и если столкнутся в воздухе с боевой машиной, набьются в воздухоприемники штурмовика или бота, – всё, конец вылету, совершай вынужденную посадку.

Наверное, с ним случилась затяжная истерика, – неудивительно после такого дня и такой ночи... Олег смеялся и не мог остановиться. Смеялся, когда сдирал с манекена шинель и набрасывал на колючку. Смеялся, когда перелезал. Смеялся, когда шлепал по воде небольшого ручейка, уже за периметром базы. И долго шагая ночной степью, тоже продолжал негромко подхихикивать.

А когда перевалил невысокий холм и увидел внизу город – дома, освещенные самыми первыми лучами восходящего солнца – захохотал в полный голос.

Глава шестая. Ходячие бомбы и плавучие рудники

1

Человек открыл глаза.

Никакой осмысленности в этом движении не было – просто веки механически скользнули вверх, и невидящие зрачки уставились в потолок. Человек лежал на гладкой сверкающей поверхности стола, лежал неподвижно, в струнку вытянув руки и ноги. Он был обнажен и не проявлял никаких иных признаков жизни – казалось, что у мертвеца всего лишь произошло посмертное сокращение глазных мышц... Но так лишь казалось.

– Встать! – прозвучал голос, громкий и властный.

Человек зашевелился, приподнялся, спустил со стола ноги... Несколько секунд спустя он застыл в точно такой же неподвижности, лишь горизонтальное положение сменилось на вертикальное.

– Подойди к стулу. Сядь, – продолжал командовать голос.

Человек сделал несколько механических шагов, очень напоминая при этом игрушку с самым примитивным управляющим чипом; опустился на табурет. Лицо его казалось застывшей маской, не отражало ни малейших эмоций.

Двое, сидевшие за столом, переглянулись.

– Едва ли кого-то обманет такая марионетка... – негромко сказал один из них; говоривший был облачен в черный мундир жандарма.

Голый человек явно не услышал этих слов.

– Полноте, Михаил Александрович, – мужчина в темно-синей форме космолота сделал легкий успокаивающий жест, – программа активизирована далеко не в полном объеме. Сейчас мы проведем куда более наглядную демонстрацию возможностей нашего метода.

Он поднял руку, и зазвучал все тот же уверенный голос. Источник его оставался невидим.

– Сейчас я скажу: «Три!», и ты окажешься у своих товарищей, ведущих борьбу с имперскими захватчиками. Ты расскажешь им свою историю. Расскажешь так, чтобы они поверили. Чтобы приняли тебя в свои ряды. Итак, я считаю. Раз! Два! Три!

При слове «три!» голый изменился разительно. Словно движущийся манекен каким-то чудом превратился в настоящего человека. Лицо стало оживленным – радостным и в то же время немного тревожным. Взволнованно заговорил, глядя не на двоих, сидящих у стола, – куда-то мимо них, в сторону:

– Товарищи... Товарищи... Наконец-то... Из плена я... Из лагеря под Новосмоленском сбежал. Три дня степью шел...

– Имя? Звание? – быстро спросил фон Корф, подозрительно и неприязненно.

– Зарев... Краснофлотец второй статьи Зарев Свиблик.

– Покажи именной жетон, – сказал барон столь же неприязненно. – Его в плену не отбирают.

Голый человек суетливо полез в воображаемый карман воображаемой одежды, затем в другой, в третий... Со стороны его жесты смотрелись нелепо.

– Нету... Не знаю... Обронил, наверное...

– Лжешь! – рявкнул капитан второго ранга. – Тебя подослали имперцы!

Зарев Свиблик не смутился. Ответил уже не сбивчиво, но твердо и решительно:

– Проверьте меня в бою! Испытайте меня огнем и кровью!

– Что?! Дать оружие в руки изменнику? Увести его и расстрелять! Немедленно!

Свиблик вскочил с табурета, лицо его исказилось, словно от сильной боли. Схватился за левый бок, упал, затих. Лежал неподвижно, вытянувшись в струнку, как недавно на столе.

– Что скажете, Михаил Александрович?

Несвицкий покачал головой:

– «Испытайте огнем и кровью» – чересчур уж литературно звучит. Так мог сказать начитанный человек, к тому же склонный к патетике. Молодое поколение мятежников выражается несколько проще.

Как выражается население планет Союза, полковник знал не понаслышке, три года провел резидентом на Новом Петербурге, называвшемся в те времена Марэленом. Приходилось бывать и на Елизавете-Умзале...

– Вот что значит свежий взгляд! – обрадовался барон. – Вернее, свежий слух... Поправим. А в остальном как вам идея?

– Хм... Как я понимаю, при разоблачении и угрозе расстрела ваши псевдобеглецы умирают?

– Да. Но несколько более эффектно, чем мы сейчас видели.

– То есть?

– Каждый, как вы, Михаил Александрович, выразились, «псевдобеглец» снабжен взрывным микроустройством. Однако, несмотря на малый размер, мощность достаточна, чтобы в помещении площадью в двести-триста квадратных метров живых не осталось.

«Барон не может не учитывать возможность обыска, – подумал Несвицкий. – Значит, его марионетки понесут свои бомбочки не на себе, – в себе»

– Долго такая схема не проработает, – высказал сомнение полковник. – Если взрывы начнут повторяться... Тогда кандидаты в подпольщики будут попадать к руководителям подпольных групп только после проверки на рентгеновском аппарате или тому подобной аппаратуре...

– Полноте, – махнул рукой фон Корф. – Откуда возьмется «тому подобная аппаратура» у недобитков, прячущихся в лесах или штольнях? Скорее, без затей начнут расстреливать незнакомых, желающих примкнуть к сопротивлению. Однако головку хотя бы нескольких банд уничтожить удастся. Зато представляете, сколько наших настоящих врагов они могут, испугавшись, вывести в расход?

– Представляю... – медленно произнес Несвицкий, затея флотской контрразведки не очень-то ему нравилась. – А если поверят и примут в свои ряды?

– Тогда при первой же возможности наш внедренец выйдет на связь. И станет выходить регулярно. Сам не понимая, что делает, и тут же забывая, что сделано.

– У городских подпольщиков, согласен, такая возможность может появиться. Но нам наверняка придется столкнуться и с партизанами, скрывающимися на тайных базах и покидающими их лишь для боевых операций... Как выйти на связь, внедрившись в партизанский отряд? Или вместе с бомбой вы будете снабжать внедренцев и микропередатчиком?

– Нет, не будем... Передачу тут же засекут, к тому же работа с передатчиком требует достаточно осмысленных действий. Если в течении месяца связь установить не удастся, мой зомби приведет бомбу в действие. Естественно, в тот момент, когда вокруг окажется достаточно число инсургентов.

– Я все же предпочитаю старые добрые методы, – сказал Несвицкий. – Вербовку агентов, работающих на меня вполне осознанно и надежно сидящих на крючке.

– Вербовка – дело долгое, кропотливое... А у нас – полчаса обработки на соответствующей аппаратуре.

– К тому же, – добавил фон Корф, кивнув на неподвижное тело, лежащее на полу, – мы с вами, Михаил Александрович, оценили сейчас продукт массовый, так сказать, серийный... Однако среди пленных есть командиры и даже рядовые с большими потенциальными лидерами,

вполне способные занять руководящие роли в подполье. С ними наши специалисты работают индивидуально и достаточно долго. Внушают не простейшую программу действий, но фактически создают в мозгу вторую личность, ничем себя не проявляющую, однако готовую в определенный момент взять под контроль и мозг, и тело. У них, конечно же, никаких бомб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.